

ЧЕТЫРЕ РАБИНОВИЧА.

Комедия на тему исхода.

Все совпадения с реальными историческими фактами – случайны.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

1-й РАБИНОВИЧ - Семён Львович.

2-й РАБИНОВИЧ - Абрам Срулевич. (в тексте – «РАБИНОВИЧ»)

3-й РАБИНОВИЧ - Моисей Израйлевич. (в тексте – «БАНДИТ»)

4-й РАБИНОВИЧ - Арон Давидович. (в тексте - «СТАРИК»)

ДОРА ЛАЗАРЕВНА - жена 1-го РАБИНОВИЧА.

РИТА.

ВЕНЯ.

СТАРЕЦ.

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ.

РЕБЕККА - его невеста.

ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА.

ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА.

Исполнители сольных и массовых номеров:

Два чиновника Сохнута.

Танцовщицы. (Они же служанки).

Пейсатые харедим.

ПЕРВАЯ СЦЕНА В АЭРОПОРТУ.

На сцене полумрак. Небольшое помещение, заваленное какими-то щитами и прочим инвентарём, присущим подсобным помещениям.

Часть помещения огорожено простыней, натянутой между двумя щитами.

Везде разбросаны чемоданы.

Из чемоданов и щитов сделаны импровизированные койки, на которых спят несколько человек.

Раздаётся удар снаружи в дверь. Потом ещё.

Дверь немного приоткрывается и в комнату протискивается человек с чемоданом.

В темноте он на что-то наталкивается, и один из щитов с грохотом падает. Человек хочет его придержать, но при этом наступает на один из чемоданов и сам оказывается на полу.

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. А-а! Кто тут?

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Сеня!

БАНДИТ. Тс-с. Братан, качумай, не шуми.

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Что? Что надо? Кто здесь?

БАНДИТ. Я говорю: замри. И своей скажи, чтобы затихла. Умри!

Наступает тишина. Бандит прислушивается.

БАНДИТ. Вроде дальше пошли.
СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Позвольте...
БАНДИТ. Тш-ш... Всё равно шуметь пока не надо. (*Прислушивается.*) Вроде пронесло.
ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Что пронесло?
БАНДИТ. Не что, а кто. Откуда только взялись? Главное было бы за что, а то чемодан.
СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. У вас хотели отобрать чемодан?
БАНДИТ. Типа того. В смысле там один вой поднял, что у него попёрли чемодан. Ну, тут местные менты сразу и нарисовались.
ДОРА ЛАЗАРЕВНА. А при чём тут вы?
БАНДИТ. Правильный вопрос. Только я от греха подальше решил всё-таки соскочить.
СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. С чемоданом...
БАНДИТ. Ну да. А чё, у меня не может быть чемодана? В чём вопрос?
СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Нет, я к тому, что если это ваш чемодан. То чего вам тогда бояться?
БАНДИТ. Слышь, земля, В натуре, чё, типа, за расспросы?
ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Сеня, не связывайся.
СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Да я имел в виду совсем другое...
БАНДИТ. Нет, я не понял, чё за намёки такие?
ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Сеня, не провоцируй.
БАНДИТ. Не понял. Ты чё, сомневаешься? Чё у меня, типа, не может быть чемодана?
СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Я – нет. Но другие...
БАНДИТ. Какие другие?
ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Сеня, не отвечай.
СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Ну те, которые за вами... Которые – «нарисовались» ... У них, судя по всему, были какие-то сомнения ...
БАНДИТ. Тс-с-с! Затихни.

Бандит прислушивается. На цыпочках подходит к двери и смотрит в щёлку.

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Что там?
БАНДИТ (*шёпотом*). Стоят. Там верёвка какая-то натянута. И чего-то написано.
СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Это я верёвочку натянул. И табличку повесил.
БАНДИТ. А чё там написано?
СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. «Прохода – нет». Ну что там?
БАНДИТ. Стоят. Читают. Чё, думаете, не пойдут?
СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. До вас работало безотказно.
БАНДИТ. Да ладно. В натуре, купятся на такое фуфло?
СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Между прочим, «такое фуло» моему деду двадцать три раза жизнь спасало.
БАНДИТ. Это как?
СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Он на войне разведчиком был. Когда ходил за линию фронта, то всегда брал с собой верёвку и плакатик на немецком «Проход воспрещён». Вешал его за собой, когда уже был по ту сторону.
БАНДИТ. И чего?
СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. На немцев магически действовало. Никто их ни разу не преследовал. Единственный, кто всегда возвращался. Ну что?
БАНДИТ. Топчутся. Один вроде хочет пройти. Братело, чё, всегда срабатывает?
СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. За границей – всегда. У меня на пяти языках такие есть.
БАНДИТ. Всё. Уходят.
СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Я же говорил.
БАНДИТ. Земляк! Слышь, а круто это ты придумал. Класс! Чё, говоришь, везде работает?
СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Везде, кроме как в России.

БАНДИТ. Заграница! Правильно говорят: культурная нация. И нашим ментам есть чему у них поучиться. Я-то первый раз за кордон сваливаю. Ну, чё? Будем , значит, жить.

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Раз всё так благополучно разрешилось, то может быть, вы уже пойдёте? Мы вообще-то спали.

БАНДИТ. А неплохо вы тут устроились. Там люди друг на дружке на головах давятся, а у вас тут отдельная хаза. Только что без вида.

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Мы так же, как и все сидим безвылазно в этом аэропорте, уже не знаю сколько...

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Это только с виду здесь много места. А на деле – совсем маленькая комнатка. И потом мы не одни.

БАНДИТ. Да ладно... Нормальная хата. И в хуже сидели.

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Тут ещё старик. Он спит там в углу.

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. И ещё наши дети.

БАНДИТ. Не дрейфь, земляк. Мне много места не надо. Я вот тут вот себе шконочку организую. *(Переворачивает какой-то щит. Ставит его на пару ящиков.)*

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. И ещё тут один есть. Как раз на вашем месте. Вот он скоро вернётся...

БАНДИТ. Разберёмся. Круто! По сравнению с тем, как там, на головах, у нас тут с вами просто - люкс. Я ведь тоже, как и все, застрял тут по самые... Я ж налегке летел. Без багажа. .. Почти без багажа. Думал несколько часов - и всё. А там, на месте, всё уже прикуплю. А тут эта вынужденная посадка. И всё! Капец. Сидим. Сколько уже?

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Да я уж и счёт потерял.

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Ничего, люди и подольше ждали.

БАНДИТ. Куда уж дольше.

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Сорок лет. И ничего, выжили.

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Дорочка, ты забываешь, что выжили далеко не все.

БАНДИТ. О как, попали! Чё за аэропорт, в натуре, такой? Я не понял! Нет связи с миром, на хрена самолёты принимать? Чё за место такое, блин. *(Открывает чемодан. Достает различные вещи. Бритву. Начинает бриться.)*

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Так это ж - остров.

БАНДИТ. Ну и на хрена они у себя самолёты сажают? Если у них тут даже гостиниц нет?

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Я вас попрошу: сейчас вернуться дети. Там дочь, совсем ещё девочка... Вы бы поосторожнее выбирали выражения.

БАНДИТ *(достает и примеряет вещи)*. Нет базара. Чё думаете, я не понимаю? Это ж я так, от эмоций. Но ведь полный беспредел! Чё, я не прав?

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Не могу не согласиться. Но ведь и выбора особенного не было. И на том спасибо, что хоть где-то посадили. Со всех рейсов. Кого куда... Говорят – аномалия какая-то. Даже связи нет.

БАНДИТ. Раз посадили, то должны пайкой и шконкой обеспечить. Вы же видели, что там делается. На полу люди который день спят. Не по понятиям. Чё, я не прав?

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Далеко летите?

БАНДИТ. Да, нет... В Израиль.

Рабинович и жена с удивлением смотрят на Бандита.

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. В гости к кому или так, посмотреть?

БАНДИТ. На постоянное место жительства. Так сказать, «на историческую родину».

А вы чё, тоже туда?

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Бог миловал.

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Мы в Америку.

БАНДИТ. Нормально. Я потом тоже подтянусь. Но сначала надо в Израиль.

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Простите, как вас...
БАНДИТ. Меня? Ну, типа, по паспорту или как?
СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Ну как к вам обращаться?
БАНДИТ. Если так, по-свойски, по-пацански, то можно просто – Гирия.
ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Это сокращёно от Грини? Григорий?
БАНДИТ. Нет. Ну это - погоняло. Типа, я гири люблю покидать. Ну и пошло так: Гирия да Гирия.
ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Нехорошо как-то ... У нас молодая дочь... А тут какие-то клички. А может лучше по паспорту?
БАНДИТ. Тут вопрос, по какому?
СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Ну, раз вы самолётом летели. То у вас же должен был быть какой-то паспорт?
БАНДИТ. Если, по которому летел, то – Рабинович Моисей Израйлевич.

Немая сцена.

БАНДИТ. А чё не так?
СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Так и обращаться?
БАНДИТ. Вы же сами хотели – по паспорту. Значит так и обращаться. А чё, не так что-то с именем?
СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Гм-м... Моисей Израйлевич...
БАНДИТ. Ну...
СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Забыл, что хотел спросить...
БАНДИТ. Бывает.
СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Вспомнил. Скажите... м-м...
БАНДИТ. Моисей Израйлевич.
СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Да, конечно. Я помню. Скажите мне, Моисей Израйлевич...
БАНДИТ. Не ... ну я же вижу: чё-то не срастается. Мне же надо знать, если что не так, то скажите прямо. Чё, неправильное имя?
СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. В каком смысле?
БАНДИТ. Ну чего, нет такого имени?
СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Имя, как имя. Просто достаточно редкое сочетание...
БАНДИТ. Ну и чего?
ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Сеня, не морочь ему голову.
БАНДИТ. Чего, плохое еврейское имя?
СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Хорошее еврейское имя... Но жить с таким именем – не рекомендуется.
БАНДИТ. Но имя-то правильное?
СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Более чем.
БАНДИТ. Значит всё путём. Знают своё дело кореша.
ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Э-ээ... Послушайте...
БАНДИТ. Моисей Израйлевич.
ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Да, Моисей Израйлевич. Я так понимаю, что это тоже у вас вроде как и не имя, а как эта ваша - «Гирия».
БАНДИТ. Типа, намекаете, что это - погоняло?
ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Ну, если это так называется...
БАНДИТ. А чё – не так? Кликуха – не годится. Типа, дочка там... Имя – не годится. Вы чё, - антисемиты?
ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Мы молодой человек, как там вас не знаю называть...
БАНДИТ. Моисей Израйлевич.
ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Так вот, мы чтоб вам было известно тоже Рабиновичи.

БАНДИТ. А чего я по-вашему - без глаз? Я сразу понял, что вы – свои. Поэтому я с вами откровенно, по-свойски.

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Мы-то свои...

БАНДИТ. А я, типа, не в масть? Типа, со мной – запахло?

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Не обижайтесь. Просто... как бы вам сказать... Вы не очень похожи на...

БАНДИТ. Моисей Израйлевича?

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Скажем так.

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Сеня, не лезь не в своё дело.

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. А что такого? Я только спросил. Не хочет, пусть не отвечает.

БАНДИТ. Да чего там. Какие секреты между своими. Тем более вы меня с этим чемоданом прикрыли. Побриться не хотите?

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Ни от кого мы вас не прикрывали. И про этот чемодан ничего не знаем. И вообще...

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Дора, не начинай.

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Что «не начинай»? Может, ты за него и в тюрьму пойдёшь? Я тебе передачи носить не собираюсь.

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Дора!

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Что «Дора»? Я уже 50 лет Дора. Мало нам было горя там, так теперь мне ещё и здесь...

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Дора, не заводись.

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Хватит с меня, что я всю жизнь, как заведённая с утра до ночи, ни свет, ни заря...

Бандит поднимает на вытянутые руки чемодан и с грохотом бросает его на пол. Жена испугано замолкает.

БАНДИТ. Базар кончили. Шуметь, говорю, не надо.

В дальнем углу зашевелился и приподнялся спящий там человек.

БАНДИТ. Человека вон разбудили. Кто это?

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Рабинович.

БАНДИТ. Родственник что ли ваш?

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Нет. Он сам по себе Рабинович.

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Хотя может и родственник. Все мы неким образом – родственники.

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Какой он тебе родственник? Ты его видел? Он такой же Рабинович, как и...

БАНДИТ. Ну? Чего сказать то хотели?

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Да ну вас всех. *(Заворачивается в одеяло. Укладывается.)*

БАНДИТ. А я и не говорю, что я, типа, в натуре – Рабинович. Вы спросили: как по паспорту? Ну, я и сказал. А теперь какие-то предьявы... Чё за дела?

ДОРА ЛАЗАРЕВНА *(высовываясь из под одеяла)*. Вот вы бы родились Рабиновичем, пожили Рабиновичем, горя бы помыкали - Рабиновичем...

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Дора!

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. А что он начинает? Рабинович выискался. Как ехать, так – все Рабиновичи.

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Не обращайтесь на неё внимание.

БАНДИТ. Правильную фамилию, я смотрю, мне братва нарисовала.

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Смотря для чего.

БАНДИТ. Я же говорил: мне с родных мест надо временно соскочить. Вот и выходит, что только одна дорога в Израиль.

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Почему в Израиль?

БАНДИТ. А они своим сразу гражданство и ксиву дают.

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Ты меня ещё спрашиваешь, почему я не хотела ехать в Израиль? Ты видишь, кто там живёт? Тебе это надо?

БАНДИТ. Да не волнуйтесь вы. Не буду я там жить. Гражданство, новую корочку получу и за вами вдогонку, типа, к американской мечте. Может ещё и встретимся.

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. А почему всё-таки - «Рабинович»?

БАНДИТ. Да это братва. Я попросил такое имя прописать, чтоб там, в Израиле, никаких сомнений не было. Чтоб самое такое ни на есть еврейское. Чтоб дальше уже некуда было...

Вбегают дети.

ВЕНЯ. Мама, там Рабиновича бьют!

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Ой, выизмер!

БАНДИТ. Не понял. Какого ещё Рабиновича? Родственник что-ли?

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Такой же родственник, как и вы. Говорила вам: держитесь от него подальше. С ним только одно горе и несчастья.

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Это ещё один наш... Ну которого сейчас нет. Мы вам говорили.

РИТА. Он хотел же для всех нас. Полез без очереди. Ну а там толпа уже озверела. Короче. Надо что-то делать.

БАНДИТ. Пошли, покажешь где.

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Вам это надо? Тем более, что у вас и самого не всё так гладко...

БАНДИТ. Вы чё? Там наших бьют. Какие могут быть отмазки?

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Каких ваших?

БАНДИТ. Рабиновичей, мамаша! Давай, погнали. Мы им покажем, как на Рабиновичей наезжать!

ПЕРВАЯ СЦЕНА ИСХОДА.

Сцена в шалаше. На подстилке лежит прикрытый покрывалом Старец. Заходит молодой еврей. Подходит к Старцу. Пристально вглядывается. Осторожно приближает ухо к его лицу. Берёт соломинку и начинает щекотать нос старца.

Старец внезапно просыпается с громким воплем. Он напуган. Не менее напуган и молодой еврей.

СТАРЕЦ. Опять! Опять ты! Каждое утро! Сколько ты ещё будешь меня мучить? Я – не умер! Тьфу на тебя. Тьфу. Вот видишь? Живой. И для того чтобы это узнать, не надо пихать мне ничего в нос. Не надо поливать меня холодной водой, дёргать за бороду...

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Я вчера случайно пролил воду. Я хотел помочь вам помыться и случайно пролил.

СТАРЕЦ. Врёшь. Специально вылил. И за бороду дёргал для того же.

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. В бороде застряли крошки, и я только хотел их оттуда вытащить.

СТАРЕЦ. Опять врёшь! Дёргал. И ещё как дёргал. Хотел убедиться, что я уже умер и ничего не чувствую. Ты только за этим и приходишь. В следующий раз ты ещё, чего доброго, надумаешь подпалить её.

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Я прихожу, чтобы покормить вас и узнать: не надо ли чего.

СТАРЕЦ. Ты приходишь, чтобы узнать: жив ли я ещё. А там, снаружи, стоит и ждёт тебя толпа не меньше сотни человек. Ведь не меньше?

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Больше.

СТАРЕЦ. Ну вот, видишь. Стоят и ждут: когда ты уже им сообщишь, что я умер.

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Вы не правы. Куда вам поставить лепёшки?

СТАРЕЦ. Ещё как прав. С чего бы им тогда там собираться?

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Просто их интересует: как вы себя чувствуете?

СТАРЕЦ. Все. Все. Хотят только одного. Но разве я виноват, что я ещё жив?

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Никто вас и не винит.

СТАРЕЦ. Разве я виноват, что я последний?

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Если больше ничего не надо, то я пойду?

СТАРЕЦ. Иди. Хотя нет, постой. Не буди меня больше по утрам. Не тычь мне в нос палки. Не поджигай бороду...

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Я никогда не поджигал вам бороду.

СТАРЕЦ. Нет, так с тебя станется. Ничего не надо делать. Однажды ты зайдёшь и сразу поймёшь, что меня уже нет. И тогда просто накрой меня покрывалом и отправляйся уже собирать вещи.

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Вещи уже давно собраны.

СТАРЕЦ. У всех?

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. У всех.

СТАРЕЦ. Значит дело только за мной. Надо поторапливаться.

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. До ста двадцати. Никто вас и не торопит.

СТАРЕЦ. Врёшь. Разве я виноват, что я последний из этого проклятого поколения?

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Вы ведь один из тех двенадцати, которых послали разведать неиспанную нам землю?

СТАРЕЦ. Да.

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Так чего ж вы тогда спрашиваете: за что такое наказание?

СТАРЕЦ. Мы рассказали только то, что видели: укреплённые неприступными стенами города, воинственные народы их населяющие... Мы только рассказали.

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Вы посеяли страх.

СТАРЕЦ. Мы своими глазами видели великанов, по сравнению с которыми мы были меньше кузнечиков.

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Вы до того напугали людей, что они хотели вернуться назад в Египет.

СТАРЕЦ. Мы только рассказали.

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Вы посеяли сомнение. А за это господь наказал всех скитанием по пустыне, пока не умрёт последний из вашего поколения.

СТАРЕЦ. Но почему именно я последний?

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Кто-то же должен быть последний. Сорок лет - срок не малый. Я пойду.

СТАРЕЦ. Иди, порадуй их. Скажи им что-нибудь приятное. Что я уже при смерти. Что у меня отнялся язык. Выпали волосы...

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Я уже это говорил в прошлый раз.

СТАРЕЦ. Ну тогда не знаю, чем их ещё можно порадовать... Скажи, что у меня пропал аппетит. Отнеси назад лепёшки. Им это должно понравиться.

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Вы плохо думаете о людях.

СТАРЕЦ. Иди. Нет, стой! Пожалуй, лепёшки оставь. Обойдутся. Ждали сорок лет, подождут ещё немного.

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Куда поставить воду?

СТАРЕЦ. Воду вылей и принеси вина. Да, вина.

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Они не дадут.

СТАРЕЦ. Скажи: в связи со своей скорой кончиной умирающий взывает к ним с последней просьбой.

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Я попробую, но не уверен.

СТАРЕЦ. Погоди. И добавь ещё и фруктов. Да. Скажи: в связи с неизбежной и скорой кончиной старик просит вина и фруктов.

Молодой еврей выходит из шалаша. Задёргивает полог. К нему подходят старейшины.

ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. Ну как он?

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Ему лучше.

ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА. Ну и слава богу. До ста двадцати. Но он ведь не встаёт?

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Не встаёт.

ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. Значит, он слаб?

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Слаб. Но у него отличный аппетит, и он даже потребовал сегодня вина.

ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА. Вина! Похоже ему действительно лучше. Чтоб он был и дальше здоров. Но ты ведь говорил, что у него пропала речь... Что у него выпали волосы.

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Сначала выпали, а теперь опять отросли.

ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. Вот как... Значит он здоров?

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Насколько может быть здоров человек в его возрасте.

ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА. Ну и слава Богу! Хотя, в таком возрасте разве можно быть здоровым?

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Он знает, что он задерживает всех. Он очень от этого страдает.

ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. Страдает... А сам потребовал себе вина. Чтоб он был здоров.

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Потому и потребовал, что страдает. Осталось совсем немного.

ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА. Откуда ты знаешь, что осталось немного?

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Он сам так сказал. Передай, говорит, что в связи с моей скорой кончиной я прошу немного вина.

ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. Так и сказал: «скорой»?

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. И ещё прибавил: последняя просьба умирающего.

ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА. Хорошо. Нет, это конечно очень печально, чтоб он был и дальше...

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Так мне принести ему вина?

ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. Конечно. Как можно отказать умирающему.

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Он ещё просил фруктов.

ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА. Принеси ему всё, что он хочет.

Молодой еврей уходит.

ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. Люди спрашивают: что им делать?

ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА. Я думаю, можно сказать, что уже пора начинать собирать вещи и готовить повозки.

ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. У них и так уже всё давно готово. Можно сказать, люди живут на чемоданах.

ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА. Что ещё за чемоданы?

ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. Какой-то странный чужеземец тут ходил с таким ящиком с ручкой.

Обменял его на простые лепёшки из манны.

ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА. Откуда он взялся?

ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. Путник, наверное. Но ящик оказался очень удобным.

Называется чемодан. Один плотник уже научился делать такие ящики. Очень удобно. Я себе тоже купил пару. На них можно спать, есть... Вот народ и шутит, что живут на чемоданах.

ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА. Хорошо сказано. Эта шутка ещё нас переживёт.

ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. Так я пошёл собирать чемоданы?

ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА. . Дай бог, дай бог... Где, говоришь, живёт этот плотник?

ВТОРАЯ СЦЕНА В АЭРОПОРТУ.

*Все Рабиновичи в сборе. Сидят, едят из одноразовых пластмассовых наборов.
Рабинович всё время шмыгает носом.*

БАНДИТ. Слышь, братан, ты это... Банку с колой возьми и к носу приложи. И голову так – вверх старайся держать.

РИТА. А круто Рабинович того негра приложил.

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Не негра, а афроамериканца, привыкай. В Америку едешь.

РИТА. Не важно. Короче. Этот вопит: «you are not stand here!». Ты здесь не стоял! И хватает Рабиновича...

ВЕНЯ. Да нет. Хватать стал этот здоровый немец, а тут Рабинович как даст ему ногой!

РИТА. А немец его за ногу схватил и орёт на своём...

ВЕНЯ. Тут Рабинович подлетает, хватает немца за шкирятник и оттаскивает от Рабиновича...

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Постойте. Какой Рабинович дал ногой? Моисей Израйлевич?

РИТА. Да нет. Моисей Израйлевич оттаскивал за шкирятник, а лягался – Абрам Срулевич.

РАБИНОВИЧ. Сколько раз просил: называйте меня просто по фамилии или, на худой конец, - Абрам. А лучше, по фамилии матери.

БАНДИТ. Чё, в натуре, такое отчество?

РАБИНОВИЧ. А вам то что?

БАНДИТ. Не-е, братан, ты не подумай, что я, типа, обидеть хотел ...

РАБИНОВИЧ. А чего тогда спрашивать?

БАНДИТ. А вы ещё говорите, что Моисей Израйлевич – стрёмно.

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Слушайте, так мы совсем запутаемся. Столько Рабиновичей на один квадратный метр, такого даже в Израиле нет.

ВЕНЯ. Прикольно! Кому расскажешь, не поверят.

РИТА. А давайте, чтобы не путаться, всех пронумеруем.

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. А по имени отчеству, что уже нельзя обращаться?

ВЕНЯ. Во-первых, язык сломаешь. А во-вторых, Абрам Сру... извиняюсь, сам не любит, когда его так называют.

РИТА. Раньше всё было просто: папа – был папа. Абрам Сру... простите, был Рабинович. И было понятно, о ком идёт речь.

БАНДИТ. А тот, старик. Он же тоже - Рабинович.

РИТА. Ну, он не в счёт. Он просто был «Старик».

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Вам всё просто. Что он вам, - ровесник? Арон Давидович! Хотите что-нибудь попить?

СТАРИК. Благодарю вас. У меня всё есть.

ВЕНЯ. Рабинович, ещё есть пакет колы, будете?

БАНДИТ и РАБИНОВИЧ (*хором*). Давай.

ВЕНЯ. Ну вот, видите, что получается.

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Вот для того и придуманы имена и отчества.

ВЕНЯ. Абрам Срулевич... извиняюсь, не любит, когда по отчеству.

РАБИНОВИЧ. Не то, чтобы не люблю... Мне, кажется, я ещё не настолько стар, чтобы ко мне обращаться по имени отчеству.

БАНДИТ. С отчеством у тебя, кореш, обздача вышла. А ещё про моё что-то говорили.

РИТА. Срулевича можно переделать, скажем, в Семёновича.

БАНДИТ. Это как?

РИТА. Ну вот, как муж нашей тётки. Был Моисей Идидиевич, а все звали его Михаил Евгеньевич.

БАНДИТ. Зачем?

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Вот поживете Моисей Израйлевичем, поймёте.

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. У меня был дядя. По паспорту – Хацкелевич.

ВЕНЯ. Так он что, не Ефимович?

БАНДИТ. Как? Хац... Хац-кле...

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. В том то и дело. Надоело ему, что у него по десять раз переспрашивают, а потом всё равно так ни разу правильно и не назовут. Чтoб не морочить людям голову, он всем представлялся – Ефимовичем.

БАНДИТ. Ефимыч – нормально. Даже и не поймёшь, что еврей.

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Ага. Особенно, если тебя ещё зовут - «Соломон».

РИТА. И фамилия – Брунфентринкер.

БАНДИТ. Тогда мог бы уже и Хацкеливича оставить.

ВЕНЯ. Можно было ещё и имя сменить, скажем на - Семён.

РИТА. Семён Ефимович – нормально. Вполне можно жить. Почти как папа.

БАНДИТ. А папа, извиняюсь...

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Семён Львович.

БАНДИТ. Ну, чё? Нормально.

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Вообще-то, Шмуэль Элиэйзерович. Но это мало кто может выговорить.

БАНДИТ. Элизе...

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Там ещё «и» краткое.

БАНДИТ. Элиэй... правильно? Не, я лучше - Семён Львовичем. Нормально?

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Я сразу так и сказал.

БАНДИТ. А мне ещё, я смотрю, повезло с именем.

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. И всё равно, не хорошо это - менять имя. Раз дадено, то дадено.

ВЕНЯ. Кто бы говорил.

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. У меня особый случай. Это не в счёт.

БАНДИТ. Кстати. А как вас величать?

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Дора Лазаревна.

БАНДИТ. Ну и чё такого?

РИТА. А теперь попросите сказать полное имя.

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Так... время, между прочим, скоро утро.

ВЕНЯ. Да ладно, мам, ну чего ты? Человеку же интересно.

БАНДИТ. Чего, в натуре, такое стрёмное?

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Что значит «стрёмное»? Что за слова такие?

ВЕНЯ. Брайна Дебора Лазаревна Мордуховна Рабинович.

БАНДИТ. Это чего? Одно... или вас несколько?

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Вам, как примкнувшему к нашему племени, неплохо знать, что у евреев принято было давать двойные имена.

БАНДИТ. Как? Лазаревна Мурдуховна... Да ладно. Это вы надо мной прикалываетесь. Типа «прописываете», как первоходку.

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Не «Мурдуховна», а Лазаревна Мордуховна. И вы, как там у вас говорится, - базар, модой человек, цедите.

ВЕНЯ. Мать, ну ты даёшь!

БАНДИТ. Да ладно вам. Просто – необычно как-то.

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Привыкайте.

БАНДИТ. Ну а фамилия-то хоть девичья была нормальная? Или тоже чего такое?

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Рабинович это - и есть моя фамилия.

2-й РАБИНОВИЧ. Так вы что, оба Рабиновичи? Даже фамилию не пришлось менять?

РИТА. Нет. Рабинович только мама. А фамилию как раз сменил папа.

БАНДИТ. Также так у евреев положено?

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. А вы бы пожили с фамилией «Холоймысмахер».

БАНДИТ (*пробует повторить*). Хо- ло –мыс...

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Нет, там ещё «и» краткое. Холоймысмахер.

БАНДИТ. Холос... Холой... Трудновато, конечно.

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Вот представьте: звоните вы по телефону. Неважно, в прачечную, в школу, в кассу... И говорите: Холоймысмахер. Сначала люди честно пытаются понять. Затем, переспросив три–четыре раза просят продиктовать по буквам. Ну, вот давайте диктуйте по буквам...

ВЕНЯ. А что такого? Харитон. Олег...

РИТА. Леонид, Олег...

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Тут вам обязательно скажут, что «Олег» уже был.

ВЕНЯ. Так ещё раз.

РИТА. Подожди, сбил.

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Тут все сбиваются.

ВЕНЯ. «Й». И краткое. На и краткое нет имени.

РАБИНОВИЧ. Так и можно сказать: «и краткое».

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Вот и попробуйте объяснить. Что это не просто - «И», а краткое.

РИТА. Можно сказать: как в слове Нью-Йорк.

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Нет, так нельзя. Тогда они подумают, что там ещё и «Н».

ВЕНЯ. Тогда просто – йод.

БАНДИТ. Что там осталось. Хо-лой-мыс...

РИТА. Мы на чём остановились?

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Как правило, с этого места всё просят повторить сначала.

ВЕНЯ. Дальше – просто. Михаил... На «Ы» - опять нету.

РИТА. Можно сказать, как в фильме «Операция «Ы», про Шурика.

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Про Шурика - не надо. Подумают. Что там ещё и «ша».

ВЕНЯ. Что там осталось? Эс... Соломон.

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Такими именами лучше не оперировать.

ВЕНЯ. Тогда – Семён...

РИТА. Михаил, Алексей...

РАБИНОВИЧ. И на конце - «ХЕР».

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. А вот так вот точно говорить не надо. Сразу трубку бросят, да ещё и милицией пригрозят. Короче, редко кто допишет до середины фамилии.

ВЕНЯ. Зато Рабинович – все знают.

РИТА. Максимум спросят: как в анекдоте? И всё. И никаких вопросов.

РАБИНОВИЧ. А по мне так шило на мыло.

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Кто бы говорил.

РАБИНОВИЧ. Я, между прочим, Иванов.

БАНДИТ. Тоже, типа, двойная фамилия?
РАБИНОВИЧ. Нет. По матери. Иванов. Русский, между прочим, по паспорту.
ДОРА ЛАЗАРЕНА. Абрам Срулевич – русский. Не смешите.
РАБИНОВИЧ. Раз такие проблемы, зовите меня просто - Фрэд.
ВЕНЯ. Почему Фрэд?
РАБИНОВИЧ. Потому что так меня зовут по американскому паспорту.
БАНДИТ. Какое-то не еврейское имя.
РАБИНОВИЧ. А это я специально ещё в Израиле поменял с прицелом, чтобы потом в Америке легче жить было.
РИТА. Так вы тоже в Америку?
РАБИНОВИЧ. Нет. Я уже оттуда.
БАНДИТ. Чего, назад в Израиль?
РАБИНОВИЧ. Что я сумасшедший?
БАНДИТ. Домой, в Россию?
РАБИНОВИЧ. После Америки?
БАНДИТ. Так куда сейчас?
РАБИНОВИЧ. Ещё не решил. Может в Канаду. Может в Германию. Новая Зеландия тоже принимает. Но у них маленькая квота. Опять-таки, в Германии социалка выше. Но зато в Канаде спокойнее. И Америка – рядом. Думаю в Чехии пока отсидеться.
Переждать.
БАНДИТ. Так ты уже везде пожил.
ДОРА ЛАЗАРЕНА. Путешественник выискался.
СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Прямо, как Вечный жид.
БАНДИТ. У вас же не хорошо, когда так – «жид».
СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Ну, это, как бы персонаж такой. Литературный образ.
БАНДИТ. Типа, тоже не знал, куда лучше поехать?
СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Нет, там другое. Так сказать, странник поневоле. В наказание.
БАНДИТ. Беспредел. У каждого срока должен быть свой конец.
ВЕНЯ. Что, просто «вечный жид»? Без имени?
СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Я не знаю. Наверное, было.
СТАРИК. Агасфер.
СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Простите, что?
СТАРЕЦ. Агасфер его звали. Хотя, правильно – Ахашверош.
РИТА (*шёпотом*). Всё знает.
БАНДИТ. Чего, в натуре, был такой?
СТАРИК. Прочему – был?
РИТА. Соображай. Куда он денется, раз он вечный?
РАБИНОВИЧ. А чего он ходит?
СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Вспомнил. Когда Христа вели на казнь, он остановился у дома этого Агасфера и чего-то там попросил...
СТАРИК. Помочь ему нести крест.
СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Может быть. А тот ему то ли нагрубил, то ли...
СТАРИК. Не правда. Не грубил. Просто... оттолкнул.
ВЕНЯ. Тоже не хорошо.
БАНДИТ. В натуре, запахло.
СТАРИК. Там по этой дороге, знаете, сколько таких прошло? Он же был одним из тысячи. Кто знал?
БАНДИТ. Всё равно запахло.
СТАРИК. А ещё там стояли его жена и дети. А тут этот... Говорили опасный преступник. Он просто не хотел, чтобы он там стоял рядом с его детьми.
ВЕНЯ. А потом что?
СТАРИК. Что потом? Он посмотрел так на ... на Ахашвероша...

БАНДИТ. Какое-то другое имя было.

РИТА. Да не перебивай. Ну и что потом?

СТАРИК. А что потом? Остановился и говорит: «Я пойду. Но тебе придётся долго ждать моего возвращения».

БАНДИТ. Зачем?

ВЕНЯ. Чтоб извинится, наверное.

БАНДИТ. Кино! Но, между прочим, правильному учит.

РИТА. И чем кончилось?

РАБИНОВИЧ. Тебе же сказали: не кончилось.

ВЕНЯ. Меня бы кто так наказал: путешествуй себе всю жизнь.

СТАРИК. Не говори так. Это же не в компании с приятелями... Всегда один.

РИТА. А чего, у него ни детей, ни жены?

СТАРИК. Всегда один. Извините. (*Уходит к себе в угол. Берёт книгу, начинает молиться.*)

БАНДИТ (*шёпотом*). Чего он? Обиделся?

ВЕНЯ. Он всё время молится.

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Нечего людям морочить голову глупостями. Рабинович, это всё из-за вас.

Бандит и 3-й РАБИНОВИЧ (*хором*). Почему из-за меня?

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Так... С этим надо что-то делать. Вот что... Вы, Рабинович, будете – Рабиновичем. А вы, Рабинович – Моисей Израйлевичем, раз уж вам так хочется.

БАНДИТ. А чё! Мне нравится.

Раздаётся стук в дверь.

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Кого там ещё несёт? Моисей Израйлевич, вы... там случайно опять чего-нибудь не...

БАНДИТ. Гадам буду!

Появляются два сохнутовских чиновника. В руках у одного из них небольшая гармошка - концертину, которую обычно используют для исполнения куплетов.

У другого - гитара.

Они снимают и кладут на землю шляпы, как это обычно делают уличные исполнители.

ПЕРВЫЙ ЧИНОВНИК. Еврейское агенство сохнут приветствует вас - будущих репатриантов!

ВТОРОЙ ЧИНОВНИК. Мы рады вам, друзья!

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Боже упаси. Не надо нам этого. Идите отсюда!

РИТА. А что, прикольно. Пусть покажут. Скучно же.

ВЕНЯ. Давайте, жгите.

Чиновники исполняют пропагандистские куплеты, в проигрыше не очень ловко пританцовывая и притоптывая.

СОХНУТОВЦЫ (*поют*):

Друг, собрат, единовец,

Не тяните канитель,

Поезжайте скопом в Эрец

Шмерец-мерец Израэль!

Тут забыты все заботы,
Тут веселья долог час:
Начинается суббота
Прямо в пятницу у нас

Тут, промокнув, каждый сможет
Быстро высохнуть в хамсин,
Тут всегда Сохнут поможет
Бедам женщин и мужчин.

Здесь родился песнопевец
И Закон пришел отсель.
Поезжайте смело в Эрец
Шмерец-мерец Израэль!

Тут, идя любой дорогой,
Ты куда-нибудь придешь,
Где ни плюнешь – в синагогу
Непременно попадешь.
Как приедешь - станут вскоре
Хвост морковкой, нос трубой,
Потому что в Мертвом море
Оживляется любой.

Тут из меда реки льются,
Благодатен древний край,
И растет в любом кибуце
Небывалый урожай.

Апельсины, хумус, перец,
Лук-порей и мирабель.
Приезжайте срочно в Эрец
Шмерец-мерец Израэль!

ВТОРАЯ СЦЕНА ИСХОДА.

Старик спит на своём месте в углу. В шалаши на цыпочках заходит молодой еврей и Ребекка.

РЕБЕККА. Ой, как тут темно.

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Ничего, я сейчас зажгу лучину.

РЕБЕККА. А если кто-нибудь зайдёт?

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Сюда никто кроме меня не заходит.

РЕБЕККА. Ой, смотри, он не шевелится. Может он уже умер?

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Нет, это он так спит.

РЕБЕККА. Откуда ты знаешь?

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Знаю.

РЕБЕККА. А правда говорят, что он никогда не умрёт?

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Глупости. Все рано или поздно умирают.

РЕБЕККА. А почему тогда он не умирает? Вот все уже умерли, а он один не умирает.

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Садись сюда. Хочешь фруктов? А хочешь вина?

РЕБЕККА. Откуда всё это? Конечно, хочу. А то мне эта манна уже - вот где.
МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Специально выменяли для старика. Иди ко мне.

Ребекка подсаживается к парню. Тот пытается её обнять. Ребекка отстраняется.

РЕБЕККА. Как-то нехорошо. Он там лежит. А если он уже умер? При покойнике, совсем нехорошо.

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Говорю тебе, он живой.

*Ребекка подходит к старику. Наклоняется к нему, старается расслышать его дыхание.
Берёт соломинку и начинает щекотать ему нос. Старик неожиданно чихает.
Ребекка с визгом отскакивает.*

СТАРЕЦ. Опять! Я же тебе говорил. Не смей мне ничего совать в нос!

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Прошу прощения.

СТАРЕЦ. Завтра же скажу, чтобы прислали кого-нибудь другого.

РЕБЕККА. Он не виноват. Это - я.

СТАРЕЦ. А ты ещё кто?

РЕБЕККА. Я... Я...случайно шла мимо... А тут увидела ваш шалаш, и подумала, что там никого нет... А тут вы... и ещё он...

СТАРЕЦ. Ты ела мои фрукты.

РЕБЕККА. Я только попробовала.

СТАРЕЦ. И пила моё вино.

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Это я её угостил.

СТАРЕЦ. И ещё она врунья.

РЕБЕККА. Я заблудилась.

СТАРЕЦ. Причём, плохая врунья.

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Я верну вам то, что она съела.

Старик встаёт со своего места и усаживается, скрестив ноги на ковре.

СТАРЕЦ. А у нашей гостьи – хороший аппетит.

РЕБЕККА. Я не знала, что это ваше.

СТАРЕЦ. Ну что стоишь? Угощай гостью. Наливай вино.

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Мы, наверное, лучше пойдём.

СТАРЕЦ. А тебя не спрашивают. Молодая красавица – у меня в гостях, а не у тебя. Хочешь остаться?

РЕБЕККА. Я не знаю...

СТАРЕЦ. Ну что стоишь? Видишь, девушка хочет вина.

Молодой еврей разливает вино.

СТАРЕЦ. И себе налей. Не так часто у меня бывают гости. Если честно, совсем не бывают.

РЕБЕККА. У вас что, совсем никого нет?

СТАРЕЦ. Никого.

РЕБЕККА. Разве так бывает?

СТАРЕЦ. Всё бывает. Давай выпьем за тебя. Чтобы у тебя был хороший муж и много детей.

РЕБЕККА. Нет, я лучше выпью за вас. Чтобы вы были здоровы.

СТАРЕЦ. За это пить не надо.

РЕБЕККА. Почему?

СТАРЕЦ. Потому что ты опять лжёшь. И опять – плохо. Никто, и ты в том числе не хочет, чтобы я был здоров.

РЕБЕККА. Ну... просто так говорят...

СТАРЕЦ. Что ещё говорят?

РЕБЕККА. Говорят... говорят, что вы никогда не умрёте. Это правда?

СТАРЕЦ. Нет, конечно. Но давай выпьем, чтобы это поскорее случилось..

РЕБЕККА. Я за это не буду пить.

СТАРЕЦ. Почему? Ты же хочешь уже оказаться на новом месте? Есть нормальную пищу. Фрукты, вино, мясо... Ты когда-нибудь ела мясо?

РЕБЕККА. Один раз.

СТАРЕЦ. Понравилось?

РЕБЕККА. Да.

СТАРЕЦ. Вот, и всё это можно будет получить. Всего-то и нужно только, чтобы уже умер один единственный зажившийся на свете старик.

РЕБЕККА. Не хорошо так говорить.

СТАРЕЦ. Но ведь ты не раз об этом думала? И твои родители, наверняка, каждый день об этом говорят. Ведь говорят?

РЕБЕККА. Не только родители...

СТАРЕЦ. Вот, видишь.

РЕБЕККА. Одно дело, когда говорят о ком-то, кого ты не знаешь. Я же вас не знала.

СТАРЕЦ. Тогда - за знакомство. За знакомство ты можешь выпить?

РЕБЕККА. За знакомство могу.

СТАРЕЦ. Ты тоже выпей. За моё знакомство с твоей девушкой. Как, кстати, тебя зовут?

РЕБЕККА. Ребекка.

СТАРЕЦ. Хорошая тебе досталась невеста.

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Она мне не невеста.

СТАРЕЦ. Ну и дурак. Я бы на твоём месте уже давно женился.

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Её родители хотят справить свадьбу уже на новом месте.

СТАРЕЦ. И тут я значит виноват. А ты ещё хотела пить за моё здоровье.

РЕБЕККА. А я вовсе и не собираюсь замуж.

СТАРЕЦ. Ну да... И в шалаше с этим красавцем ты оказалась случайно.

РЕБЕККА. Он не виноват. Он - хороший.

СТАРЕЦ. Хороший. Но жениться-то не хочет.

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. У меня нет денег жениться на ней. Поэтому я и ухаживаю за вами.

СТАРЕЦ. Даже если я проживу до ста двадцати, ты не заработаешь на свою свадьбу. Но ты мог бы заработать в сто раз больше, если придумаешь, как от меня избавиться.

РЕБЕККА. Оставьте его в покое. Что вы к нему пристали? Живите себе сколько надо. Лично я никуда не тороплюсь. Ой! А когда пьешь вино, всегда так вот кружится голова? А вы смешной... и хороший. Не знаю, почему вас все ругают.

СТАРЕЦ. Ругают за то, что я долго живу.

РЕБЕККА. Ну и живите себе назло всем им. А можно я к вам буду приходить в гости?

СТАРЕЦ. Понравилось вино?

РЕБЕККА. Понравилось. Но вы не думайте, я не за этим. Хотя, думайте, что хотите. А я к вам всё равно ещё приду. Налей мне ещё вина. Можно?

СТАРЕЦ. Тебе всё можно. Сколько твои родители хотят за тебя?

РЕБЕККА. Я не знаю...

СТАРЕЦ. Ну, ты-то должен знать?

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Я знаю.

СТАРЕЦ. Вот почему ты взялся делать работу, на которую никто не соглашался.

Снаружи раздаётся какой-то шум.

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Кажется, сюда кто-то идёт. Нехорошо, если её здесь увидят.

СТАРЕЦ. Пришли ни свет, ни заря проверить - жив ли я ещё.

РЕБЕККА. Хотите, я им скажу, что вы - хороший. И что вас надо...

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Нельзя, чтобы тебя здесь увидели. Тебе надо срочно уйти.

Раздаётся стук, а потом голос снаружи: «Почтеннейший, мы можем войти?»

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Поздно. Тут даже спрятаться негде.

Старик встаёт с ковра и ложится на своё место в углу.

СТАРЕЦ. Давай её сюда ко мне.

РЕБЕККА. Куда это?

СТАРЕЦ. Накидаешь на нас одеяла и тряпок, никто её и не увидит.

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ (*берёт девушку за руку и ведёт к Старику*). Он прав, больше некуда.

РЕБЕККА. Я не хочу к нему.

Снаружи раздаётся повторный стук. Голос: «Надеюсь, мы вас не разбудили, почтеннейший».

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Скорее. Если тебя здесь кто-нибудь увидит, то нам – конец.

Подтаскивает её к ложу Старика и накрывает их тряпками и ветошью.

Подходит к входу в шалаш и отдёргивает полог.

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Прошу вас, входите.

Входят двое старейшин.

ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. Надеюсь, мы не потревожили ваш покой?

СТАРЕЦ. Я ежедневно молю только о том покое, который уже никто не сможет потревожить.

ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА. То не нам решать: кому и сколько отпущено. До ста двадцати.

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Уважаемые, по-моему, он сегодня особенно плох и совсем слаб.

Может, придёте в другой раз?

СТАРЕЦ. Не говори глупости. Я как раз сегодня чувствую себя немного лучше. Пусть присядут. Угости их чем-нибудь.

ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. Спасибо. Мы ненадолго.

ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА. Рады видеть вас в добром здравии.

СТАРИК (*ворочается на своём ложе*). Смешно говорить о здравии у ложа умирающего.

ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. Вы уже не первый раз так говорите.

ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА. И не второй.

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Кажется на этот раз ему действительно плохо. Вам лучше оставить его.

СТАРЕЦ. Ни в коем случае. Пусть останутся. Мне они совершенно не мешают. Так что вы хотели сказать?

ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. Ничего особенного. Просто нас просили зайти и узнать: как ваше здоровье?

ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА. И не надо ли чего?

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ (*берёт под руки гостей и подталкивает их к выходу*). Не стоит его беспокоить по такому пустяку. Пойдёмте, я вам расскажу о его здоровье.

СТАРЕЦ. Эй! В кои веки кто-то зашёл проведать старика, а ты хочешь лишить умирающего даже этой маленькой радости. Оставайтесь. Присядьте. Угости гостей. Пусть расскажут мне какие-нибудь новости.

ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА. Да какие новости?

ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. Да нет особенных новостей. Люди потихоньку пакуют вещи. Не потому что, боже упаси, желают вам ...

ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА. А просто, чтобы чем-то заняться. Или вы считаете, ещё рано?

СТАРЕЦ. Что рано? Простите, я прослушал.

ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. Собирать вещи. Как вы считаете, не рано?

СТАРЕЦ. Нет. Пусть будут готовы. Чтобы потом не тратить время.

ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА. Когда потом?

СТАРЕЦ. Скоро. Совсем скоро.

ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. А... Точнее нельзя?

СТАРЕЦ. Скоро. Может даже и завтра.

ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА. Неужели так скоро?

СТАРЕЦ. Никогда не чувствовал себя таким слабым и разбитым.

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. А, по-моему, так наоборот.

ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА. Может, нам действительно лучше уйти?

СТАРЕЦ. Нет, нет! Посидите ещё. Не лишайте такой малости умирающего.

ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. Ну, какой же вы умирающий?

СТАРЕЦ. А кто же я, по-вашему?

ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА. Просто мой почтенный товарищ хотел сказать, что «умирающий» это тот, кто умирает.

СТАРЕЦ. Ну, так это я и есть

ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. Ну да...

ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА. Просто, если человек лежит, лежит... А потом, в конце концов - умирает. Вот про такого, да. Можно сказать - «умирающий».

ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. А если, просто так лежит. Ест фрукты, пьёт вино... А потом опять себе лежит... То какой же это умирающий?

СТАРЕЦ. А кто же это?

ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА. Может, он просто больной?

СТАРЕЦ. А что же, больной не может умереть?

ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. Может. Но весь вопрос – когда?

ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА. Больной ведь ещё и выздороветь может.

ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. Дай ему Бог здоровья. Но только какой же он тогда «умирающий»?

ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА. Такой ещё и других, здоровых, переживёт.

ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. Вот и знай после этого...

ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА. Эй! Да вы нас не слушаете! Мне кажется, ему жарко Он всё время ворочается.

ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. Сними с него эти тряпки.

СТАРЕЦ. Нет. Нет! Меня знобит. Вот вам и первый признак, что я не просто болен. Так может себя чувствовать только умирающий. Причём, скоропостижно.

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Если вы не хотите прямо сейчас стать свидетелем его кончины, вам лучше уйти.

ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА. Да. Мы пойдём.

ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. Дай Бог вам сил.

Поднимаются. Почти доходят до выхода.

СТАРЕЦ. Погодите.

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Нет, пусть идут. Вам надо отдохнуть.

СТАРЕЦ. Можно вас кое о чём попросить?
ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА. Опять?
ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. О чем вы хотели попросить?
СТАРЕЦ. Мне неловко. Но это, наверное, моя последняя просьба. Вы знаете, этот парень, он старательный. Он очень старается. Но он не справляется.
ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА. Вы хотите кого-то другого?
СТАРЕЦ. Нет, другого не надо. Просто ему нужен помощник. А лучше помощница. Может быть даже две. Поверьте, это очень не легко - ухаживать за умирающим.
ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. Наверное, вы правы. Женщины лучше знают толк в таких вещах.
СТАРЕЦ. И я так думаю. Дай вам бог здоровья. И вознаградит за вашу доброту и милосердие.
ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА. Это наш долг.
СТАРЕЦ. И ещё. Раз уж я всё равно умираю... Так сказать, в связи с моей скорой кончиной... Мне неловко об этом просить...
ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. Какие могут быть неловкости, когда речь идёт о скорой кончине. Ведь о скорой?
СТАРЕЦ. Увы. Скорее некуда. Нельзя ли мне кроме вина и фруктов ещё и мяса?
ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА. Мясa?
СТАРЕЦ. Ну да, мясa.
ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. В вашем состоянии?
СТАРЕЦ. Именно в моём состоянии.
ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА. Где же мы возьмём мясo?
СТАРЕЦ. Пошлите охотников в Ханаан. Там полно дичи.
ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. И как мы это объясним?
СТАРЕЦ. Так и объясните: в связи со скорой кончиной старик-де просит мясa. Напоследок.
ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА. Напоследок?
СТАРЕЦ. Перед тем, как окончательно покинуть этот мир.
ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. Ну, если только «напоследок». Хорошо. Мы постараемся.
СТАРЕЦ. И вы обещали женщину. Двух.
ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА. Хорошо. Найдём пару старух.
СТАРЕЦ. Нет, я сам. У меня даже есть на примете.
МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Давайте оставим его в покое. Он совсем слаб.

Старейшины в сопровождении молодого еврея уходят. Из-под вороха тряпок вылезает Ребекка.

СТАРЕЦ. Нет, нет! Не уходи. Они ещё могут вернуться. Надо переждать.
РЕБЕККА. Я там больше не могу. И потом вы всё время елозите. Я вся в синяках. Как вам не стыдно!
СТАРЕЦ. Это я специально. Чтобы было не заметно, что там кто-то есть. Ты же не хотела, чтобы тебя увидели?

Возвращается Молодой еврей.

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Давай уже вылезай оттуда. Постыдились бы.
СТАРЕЦ. Это вместо того, чтобы сказать спасибо.
МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. За то, что вы затащили к себе в постель мою невесту?
СТАРЕЦ. Сам сказал, что она тебе ещё не невеста.
МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Пойдём я тебя провожу. Пусть за вами ухаживает кто-нибудь другой.

СТАРЕЦ. Приходи завтра, как всегда. Оба приходите. Стой. Возьми с собой все эти фрукты.

РЕБЕККА. И вино?

СТАРЕЦ. Нет, вина с тебя хватит. Береги её. Она хоть тебе ещё и не невеста, но мы что-нибудь придумаем.

ТРЕТЬЯ СЦЕНА В АЭРОПОРТУ.

Все спят. Сон Вени.

Полуголые девушки – исполнительницы танца живота, танцуют перед спящим Веней и поют песню о прелестях еврейских девушек.

ДЕВУШКИ (*поют*):

Ах, как прекрасны девушки Израиля!
Они пришли на землю не из рая ли?

Да нет же, мы были земными всегда,
Но только запомнить вам надо,
Что кудри у нас – словно козьи стада,
Сходящие с гор Галаада.
А наши глаза, как заметил Певец –
Озера с водой голубою,
А зубы у нас – словно стадо овец,
Стоящее у водопоя.

Ах, как прекрасны девушки Израиля!
Они пришли на землю не из рая ли?

А груди, как склоны холмов, скруглены,
Соски – словно спелые сливы,
А ноги, как два кипариса, стройны
И так же, конечно, красивы.
Пупки, как наперстки, у нас в животах,
А кудри и зубы – как стадо...
Но, впрочем, мы пели уже о стадах -
И больше об этом не надо.

Ах, как прекрасны девушки Израиля!
Они пришли на землю не из рая ли?

*Веня просыпается с криком.
Девушки исчезают.*

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Веня, тебе опять что-то приснилось?
ВЕНЯ. Ничего особенного.
ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Ты опять кричал во сне.
ВЕНЯ. Мне приснилось... приснились девушки.
БАНДИТ. Симпатичные?
ВЕНЯ. Ну... да. Очень симпатичные.
СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Оставь его в покое. А что ещё должно сниться в таком возрасте?
РИТА. Мама, ты ещё спроси: были ли они еврейки?
ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Понадобится, так и спрошу. А кто ещё, если не мать спросит. Веня, они были еврейки?
ВЕНЯ. Кажется – да.
РАБИНОВИЧ. Они, что тебе паспорт показывали?
ВЕНЯ. Нет, они звали меня поехать с ними в Израиль.
ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Ещё чего не хватало!
ВЕНЯ. Мама, может быть я в душе сионист?
ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Веня, это не сионизм, это - гормоны!
РАБИНОВИЧ. Хватит уже. Давайте спать.
ДОРА ЛАЗАРЕВНА. В Германии своей выспитесь, или куда вы там едете... Не видите, с ребёнком не всё в порядке.
БАНДИТ. Мамаша, когда снятся девки, это как раз значит, что у него со здоровьем всё в порядке.
ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Ага. Сначала эти двое из сохнута. Теперь эти... А я вам говорю, что это тайное психотропное оружие сионистов. Дался им мой мальчик.
СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Дора, не выдумывай глупости.
ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Мы едем в Америку! Все слышали?
РИТА. Мама. Это ты сейчас с кем разговариваешь?
ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Кто надо, тот услышал.
РАБИНОВИЧ. Ну да. За дверью стоят подслушивают. Агенты мосслада. Выкрасть хотят Гриню вашего.

*За дверью раздаются какие-то звуки. Что-то падает. Голоса.
Все с удивлением смотрят на дверь.*

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Что там?
РИТА. Ну он же сказал: «агенты».
ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Типун тебе на язык.

*Дверь со стуком открывается и на пороге появляется полицейский и пассажир.
В руках у полицейского фонарик. Он водит им по сторонам пока не находит
выключатель. Включает свет.*

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Сглазили.
ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Nobody move. Have your proof of identity ready. (Всем оставаться на местах. Приготовьтесь предъявить документы.)
БАНДИТ. Чего ему надо?

РИТА. Документы хочет проверить.

БАНДИТ. Свои пусть сначала покажет.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ (*обращается к пассажиру*). Do you recognize anyone among those present? (*Вы узнаете кого-нибудь из присутствующих?*)

ПАССАЖИР. That one. And I think that one too. (*Вон тот. И кажется, ещё вот этот.*)

БАНДИТ. Чего он на меня тычет?

РИТА. Говорит, что знает вас.

БАНДИТ. Скажи ему, чтобы пошёл он...

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Вот знала, что этим кончится.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ (*Бандиту*). May I see your luggage? (*Покажите ваш багаж.*)

БАНДИТ. Чего?

РИТА. Багаж ваш хочет посмотреть.

БАНДИТ. Нет у меня багажа. Так и скажи.

РИТА (*переводит*). He says he has no luggage.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. This passenger claims that he saw you in possession of his suitcase. (*Этот пассажир утверждает, что видел вас со своим чемоданом.*)

РИТА. Этот, толстый, говорит, что видел вас со своим чемоданом.

БАНДИТ. А хрена ему!

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Моисей Израйлевич!

БАНДИТ. Извиняюсь. А чего он? Не верит - пусть ищет.

РИТА (*переводит*). He says, if he doesn't believe, he may look for it himself.

Полицейский с пассажиром проходят по помещению. Заглядывают в углы.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Well? (*Ну что?*)

ПАССАЖИР. It's not here. (*Здесь его нет.*)

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Дочка, чего они?

РИТА. Говорит, что нет тут его чемодана.

БАНДИТ. Ну и правильно. Откуда ему тут взяться?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. May I see your ID? (*Можно посмотреть ваши документы?*)

БАНДИТ. Чё надо?

РИТА. Документы ему покажите.

БАНДИТ. Да на! А этому, который на меня показывает. Скажи ему, что я его ещё за клевету привлеку. У самого три чемодана...

ПОЛИЦЕЙСКИЙ (*пытается прочесть имя*). Mo-e-sey ...Is-ra-e-lo... Is-ra-e-lo-vich... what a difficult name... (*Какое трудное имя.*)

БАНДИТ. Чего ему не нравится?

РИТА. Говорит. Что у вас сложное имя.

ВЕНЯ. Он ещё мамин паспорт не видел. Мам, покажи ему.

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Веня, не встревай. Пусть этот бандит сам выкручивается.

БАНДИТ. Нормальное еврейское имя. Ему чего еврейские имена не нравятся? Спроси, он чего – евреев не любит?

РИТА. You don't like Jews?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ (*испугано*). No, tell him: Mr... Rabinovich misunderstood him, He didn't mean anything against... (*Нет. Скажи ему: мистер... Рабинович его не так понял... Он совсем не имел что-то против...*)

РИТА. Говорит, что не так его поняли. Извиняется.

БАНДИТ. Извиняется он! Чего он вообще до меня докопался? Он что, антисемит? И этой немецкой морде переведи, чтобы он тут свои эти фашистские замашки бросал. Чё думает, что если еврей, то можно на меня всё валить? Может он меня ещё в концлагерь посадит?

РИТА. Чего так и переводить?

БАНДИТ. Можешь ему ещё Сталинград припомнить.

РИТА. Mr. Rabinovitch believes that you keep tormenting him because he is Jewish. (*Мистер Рабинович считает, что вы его преследуете, потому что он еврей.*)

Пассажир что-то испугано говорит по-немецки.

БАНДИТ. Чего он?

РИТА. Не знаю. Это по-немецки. Похоже, извиняется.

БАНДИТ. Давно бы так. Не парься. Я не злопамятный. Вали отсюда. Фирштейн? Ауфидерзейн, говорю! Гляди, понимает. И вообще мне молиться пора.

Берёт тфилин Старика. Накидывает на себя. Берёт книгу открывает на первой попавшейся странице и начинает что-то бормотать.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ (*возвращая документы*). Please excuse me. I was only doing my job. (*Прошу меня извинить. Я только выполнял свою работу.*)

БАНДИТ. Чего ему?

РИТА. Тоже извиняется. Говорит, работа такая.

БАНДИТ. Давно бы так.

РАБИНОВИЧ. Чего нам с их извинений! Мы этого так не оставим! (*На ужасном ломаном английском.*) We not to go stay it like this! Фирштейн? Мы будем жаловаться. We go to complain! You bad policeman! Ты есть – плохой полицейский. You do bad your job! They go to fire you! Тебя будут увольнять. Фить! Go home! Домой! Безработный! Goodbye. Собирать пустые бутылки. Collect empty bottles! Understand?

БАНДИТ. Круто ты его. А клёво ты по ихнему базаришь. Это ты и по еврейски так же можешь?

РАБИНОВИЧ. Ну почти. Может чуть похуже.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ (*Рабиновичу*). Show me your ID. (*Предъявите ваши документы.*)

БАНДИТ. Чего он?

РАБИНОВИЧ. Документы мои хочет. На! Но только я это так не оставлю. I not go stay it like this.

БАНДИТ. Скажи ему. Что ты еврей.

РАБИНОВИЧ. Вы ко мне пристаёте потому что я еврей. You to harass me because I'm Jewish. You no like Jews.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. What is your name? (*Как ваше имя?*)

РАБИНОВИЧ. Имя? Там написано. Рабинович. Ра-би-но-вич! Есть такое еврейское имя. Как бы это ни было кому-то неприятно.

БАНДИТ. Ты ему это... по-английски. Он же не понимает.

РАБИНОВИЧ. А Jewish name – Ra-bi-no-vich. Understand? (*Бандиту.*) Щас извиняться начнёт.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. So you claim that you are Rabinovich and you are a Jew? (*Вы утверждаете, что вы Рабинович, и что вы – еврей?*)

РАБИНОВИЧ. Ты что, читать не умеешь? You don't know to read?

БАНДИТ. О чём они трут?

РИТА. Полицейский не верит, что он Рабинович, и что он – еврей.

БАНДИТ. Почему?

РИТА. Откуда я знаю.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. It says here that you are Ivanov and you are Russian. (*Тут написано, что вы – Иванов, и что вы русский.*)

РИТА. Он ему дал не тот паспорт. Российский паспорт. Там написано, что он Иванов, и что он - русский.

РАБИНОВИЧ. Нет, это не тот паспорт.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. English, please. (*Говорите по-английски.*)

РАБИНОВИЧ. It's not right passport. Это не тот паспорт. Это для внутреннего пользования... дай сюда. У меня есть другой. I have my another passport. (*Даёт другой паспорт.*)

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. What did you say your name is? (*Как вы сказали, вас зовут?*)

БАНДИТ. Ну, чё?

РАБИНОВИЧ. Опять спрашивает: как меня зовут? Дебил. Ра-би-но-вич! (*Бандиту.*) Щас извиняться будет. Я – Рабинович.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. So who is Fred Rabin then? (*А кто тогда Фред Рабин?*)

РАБИНОВИЧ. О-ё! Опять не тот паспорт дал. Дай сюда. Дай сюда, говорю! It's not right passport.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. So this isn't your passport? (*Так это не ваш паспорт?*)

РАБИНОВИЧ. Нет, это мой папорт. Fred – that also me. Я – Фред. Но это там, в Америке. Рабин, это же сокращёно от Рабиновича. You understand me? Чего тут не понятного?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. English, please. Here, it says Rabin, Fred Rabin. (*Говорите по английски. Тут написано Рабин. Фред Рабин.*)

РАБИНОВИЧ. погоди! У меня ещё есть. (*Роется в карманах.*) Вот. Здесь, как надо. Here. This – right. Вот. Этот - правильный. Настоящий. This here – real. Фирштейн?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. So these passport aren't real? (*А эти паспорта не настоящие?*)

РАБИНОВИЧ. Тупой, как не знаю... (*Ругается.*) Скажи ему, что этот – настоящий. А те... это для другого.

РИТА. Чего другого? Чего переводить?

РАБИНОВИЧ. Слышь, ты. Вот этот – настоящий. Чего не понятного? What you can't to understand? Here real passport. Вот этот смотри. А те не смотри. Дай сюда!

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. What about these, they aren't real? (*А эти, что не настоящие?*)

Полицейский забирает третий паспорт и, даже не открывая, засовывает его в карман.

РАБИНОВИЧ. Э-Э! Ты чего творишь? Те - тоже настоящие. Но они для другого.

БАНДИТ Спалился наш Рабинович. Правильно говорят: лучше одна ксива, но - правильная.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. I want you to come with me. (*Прошу вас пройти со мной.*)

РАБИНОВИЧ. Чего тебе от меня надо?

РИТА. Он вас арестовывает.

РАБИНОВИЧ. Ни куда я не пойду. Рита, скажи ему: я требую сюда посла. Слышь, ты! I demand ambassador here! (*Я требую сюда посла!*)

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Which particular one? (*Какого именно?*)

Рита смеётся.

БАНДИТ. Чего смешного?

РИТА. Полицейский спрашивает: какого именно посла он хочет сюда вызвать.

РАБИНОВИЧ. Ничего смешного нет. Скажи ему: всех трёх. Российской Федерации, Соединенных Штатов Америки и государства Израиль.

Полицейский вытягивается по стойке смирно и отдаёт честь.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Where as any communication with the above mentioned countries is temporarily unavailable and due to the absence of diplomatic representations of the said nations on the island, yours truly must detain him until identity verification. (*Поскольку сообщение со всеми вышеперечисленными государствами временно невозможно, а на острове нет представительств вышеперечисленных стран, он вынужден до выяснения личности его задержать.*)

РАБИНОВИЧ. Чего он лопочет? Не понимаю.

РИТА. Хочет забрать вас в тюрьму, пока не представится возможность доставить сюда всех вышеперечисленных послов.

РАБИНОВИЧ. Пусть только попробует.

Полицейский с кем-то связывается по рации.

РАБИНОВИЧ. Никуда я не пойду. Я свободный гражданин! I am free citizen!

БАНДИТ. Не-е, братан. Мой тебе совет, ты сейчас не быкуй. Делай чего говорят. Потом только хуже будет. Пришьют неповиновение или ещё чего...

РАБИНОВИЧ. Вам легко советовать. Он не имеет право. You no have rights!

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Рабинович, он правильно вам советует. Не спорьте. Идите в тюрьму и подождите, пока всё выяснится. С вас не убудет.

БАНДИТ. Ты главное не менжуйся. По первоходке оно всегда так. Потом пообвыкнешь. Как в камеру зайдёшь, сразу к старшему. Если что, передавай привет от нашей братвы. От Гири. Или лучше от Лысого.

ВЕНЯ. Рабинович, мы будем вам носить передачи.

БАНДИТ. Харе прикалываться. Короче. Шконку на лишь бы какую не соглашайся. Особенно, если близко к параше.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Are you coming along or shall I call for reinforcement? (*Вы идёте со мной или мне вызвать дополнительный наряд?*)

БАНДИТ. Всё! Всё! Скажи ему: всё путём. Он сам. Добровольно. Давай, кореш.

Полицейский, пассажир и Рабинович уходят.

ВЕНЯ. Ну вот, наш Рабинович и нашёл свою землю обетованную.

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Правду говорят: от суммы и от ....

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Даже не произноси этого слова.

БАНДИТ. А чего? Везде люди живут.

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Ну вы то сразу видать - пожилы.

РИТА. Надо будет с утра пойти помочь ему разобраться.

БАНДИТ. Ведь на чём погорел! На натуральных корочках. А мою, видели? С уважением.

Моисей Израйлевич! У вас трудное имя... Нормальное имя. Молодцы братва, не подвели.

Что надо вписали. Рабинович – это звучит гордо! В натуре.

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Кто бы говорил. Нашёлся, Рабинович.

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Ну, причём здесь Моисей Израйлевич.

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. А чего он? Настоящий Рабинович – в тюрьму пошёл. А он тут...

БАНДИТ. А чего я тут? Я, между прочим, назвался Рабиновичем и - всё. До конца уже.

Не то, что некоторые. Тут я – по матери Иванов. Там - Фрэд. А где надо – о-па!

Рабинович.

Нечего каждые пять минут масть менять. Потому и погорел. Да на хрена ему...

извиняюсь, вообще это надо? Чего ему Рабиновичем плохо? Мне так даже понравилось.

Видали, как полицейский этот скуксился? Прощеница просим... Работа такая... И

немчура этот... Если надо, мы ещё раз до Берлина дойдём!

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Я вас умоляю. До какого Берлина вы собрались? Давайте уже

немного поспим. А утром пойдём выручать этого шлимазала.

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. А по-моему, Моисей Израйлевич прав.

ВЕНЯ. А как же они ваш чемодан не нашли?

БАНДИТ. А чё я - дурак, чемодан держать? Я его двинул каким-то бедуинам, или кто они там? На лепёшки поменял.

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Откуда здесь бедуины?

БАНДИТ. Да вон там, на площади, целый табор каких-то туземцев.

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Не говорите глупости. Нет там никого.

РИТА. Есть. Я сама видела каких-то дикарей на ослах.

ВЕНЯ. А я – на верблюде.

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Хватит болтать глупости.

Открывается дверь и входит Старик. Молча проходит на своё место.

БАНДИТ. Я извиняюсь, я тут вашим платочком попользовался.

СТАРИК. Берите, когда понадобится.

БАНДИТ. Короче, за мной должок.

СТАРИК. Вам, по крайней мере, не надо искать того, кому вы должны.

ТРЕТЬЯ СЦЕНА ИСХОДА.

Шалаи старика. Вход задёрнут пологом. Из шалаша доносится звуки тарбуки. (Восточный ударный инструмент.) Пение. Смех.
К шалашу подходят двое старейшин. В растерянности останавливаются и с удивлением прислушиваются к звукам, доносящимся из шалаша.
Неожиданно оттуда с визгом выскакивает полуголая девица.
Радостно хохоча, пробегает мимо оторопевших старейшин. Подскакивает к бочке. Зачерпывает ковшом воду. Жадно пьёт. Выливает остатки себе на голову. Кричит: «Да несу уже. Несу!».
Набирает воды и опять убегает в шалаи.
Старейшины с удивлением переглядываются.

ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. Что это было?

ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА. Может старик уже умер и в его шалаше поселился кто-то другой?

ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. Когда он мог успеть умереть?

ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА. Скоропостижно. Как и обещал.

Из шалаша выскакивает молодой еврей.

ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. Эй! Ты куда?

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Пойду, принесу ещё мяса.

ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА. Ещё мяса? Для кого?

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Для старика. И его... Которых вы ему дали.

ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. Так он... жив?

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. И здоров. Ещё здоровее прежнего.

ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА. Мы должны его увидеть.

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Не знаю. Надо спросить. Он там не один.

ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. Это мы уже поняли. Пошли.

Молодой еврей нехотя открывает полог шалаша. На ковре, на подушках, возлежит Старец. Напротив него танцуют полуголые девицы. Увидев входящих старейшин, прекращают танец и усаживаются рядом со Стариком. Одна начинает делать ему массаж, а другая омывать ноги.

СТАРЕЦ. Куда ты пропал? Девушки хотят плясать. Бери свой барабан и покажи, на что ты способен.

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Я не один. С вами хотят поговорить.

СТАРЕЦ. Достопочтимые, рад вас видеть. Спасибо, что пришли. Что решили разделить со мной последние минуты. Если бы вы знали, как я нуждаюсь в вашей поддержке.

ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. Последние минуты чего?

СТАРЕЦ. Чего же ещё? Моей брэнной и недостойной жизни.

ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА. Уважаемый, глядя на вас, как-то не очень вериться, что вы доживаете последние минуты.

СТАРЕЦ. Я делаю всё, что в моих силах.

ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. Делаете что?

СТАРЕЦ. Убиваю себя. Всеми доступными мне способами. Я отравляю себя вином. Чревоугодничаю. Даже предаюсь распутным безумствам с продажными женщинами. Уже одно только это должно было бы сгубить меня.

ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. Однако не сгубило.

СТАРЕЦ. Это только вопрос времени.

ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА. Времени? И сколько вы так собираетесь ещё себя губить?

СТАРЕЦ. Если взять в расчёт, что я чувствую себя несравненно хуже, чем раньше... То ещё одна, максимум две таких ночи и, думаю... Нет! Просто уверен, что мне - конец. Вы понимаете, о чём я?

ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. О чём вы?

СТАРЕЦ. Я просто уже ходячий труп.

ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. Однако – ходячий.

ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА. А по мне, так вы даже поправились.

СТАРЕЦ. Мы на верном пути. Главное не останавливаться посередине.

ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. То есть, вы хотите, чтобы мы и дальше продолжали оплачивать вот это ваше...

СТАРЕЦ. Я просто пытаюсь вам помочь.

ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. Это несколько неожиданно. Нам надо подумать.

СТАРЕЦ. Что именно неожиданно? Что я должен вас наконец-то покинуть?

ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА. Нет. Способ, который вы выбрали, чтобы нас покинуть.

СТАРЕЦ. А что в нём странного?

ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. Он всё-таки несколько необычный.

ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА. И вызывает сомнения: насколько он действенный.

СТАРЕЦ. Тогда просто пошлите ко мне наёмного убийцу. Я думаю, желающих найдётся немало.

ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. А что мы скажем людям?

СТАРЕЦ. Так и скажите: в связи с моей скорой кончиной требуются дополнительные вложения.

ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. Скажите, но вы уверены в результате?

СТАРЕЦ. Если у вас осталась ещё хоть капля сострадания, то вы должны уже прекратить мои мучения. Или оставьте умирать меня в нищете медленной и мучительной смертью.

ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. Медленной?

СТАРЕЦ. Бесконечно медленной. Такой медленной, что, боюсь, не пришлось бы мне промучиться до ста двадцати.

ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА. Дай вам бог здоровья, но столько мы ждать не можем.

СТАРЕЦ. Вы не даёте мне вам помочь.

ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. Надеюсь, всё-таки речь идёт о разумных суммах.

СТАРЕЦ. Сколько бы это ни стоило, но всяко будет дешевле, чем день простоя целого народа, сидящего на чемоданах.

ЧЕТВЁРТАЯ СЦЕНА В АЭРОПОРУ.

Бандит, Венья и Рита дуются с карты. Семён Львович играет в шахматы с Ароном Давидовичем. Дора Лазаревна пытается учить английский по самоучителю.

БАНДИТ. Ну, чего: ещё или хватит?

ВЕНЯ. Мне одну.

РИТА. И мне. Ещё. Всё. Себе.

БАНДИТ (*Открывает карты*). Очко.

РИТА. Моисей Израйлевич, так не честно! Не может быть шесть раз подряд очко. Вы жульничаете.

БАНДИТ. Серьёзная предьява. Но если честно, то – да. Хочешь, научу? Бери ещё лепёшку.

РИТА. Вкусные. Где вы их берёте?

БАНДИТ. Меняю тут у каких-то дикарей на чемоданы.

РИТА. А где вы берёте чемоданы? Ой, извините!

ВЕНЯ. Рита, ну ты чего?

БАНДИТ. Слушайся брата. Меньше знаешь, крепче спишь.

Идёт одна из служанок Старца с кувшином .

СЛУЖАНКА (*говорит на иврите*). ? סליחה, איפה אפשר למלא מים באזור? (*Слиха. Эйфо эфшар лэмалэ маим бэ изор? Простите, где тут можно набрать воды?*)

РИТА. Что вы сказали?

СЛУЖАНКА. אני מהפשת מים. (*Ани мехапесет маим. Я ищю воду.*)

РИТА. Не понимаю. Do you speak English?

СЛУЖАНКА. אני רצה מים. (*Ани роца маим. Я хочу воды.*)

РИТА. Говорите по английски? Can I help you?

СТАРИК. ישר עד הסוף ובצד ימין יש שרותים. שם אפשר למלא מים. (*Яшар ад а-соф. вэ бе цад ямин еш ширутим. Шам эфшар лэмалэ маим. Прямо до конца. И с правой стороны есть туалет. Там можно набрать воды.*)

СЛУЖАНКА. תודה, אדוני. (*Тода, адони. Спасибо, мой господин.*)

СТАРИК. אין בעד מה, חמודה. (*Эйн бэ ад ма, хамуда. Не за что, дорогуша.*)

РИТА. Что она хотела?

СТАРИК. Набрать воды.

БАНДИТ. Учёный старик.

ВЕНЯ. Да он, по-моему, на всех языках мира говорит.

ДОРА ЛАЗАРЕВНА (*оставляет очередную попытку произнести английский звук «the»*).

Шляются, кто ни попадя. Досидимся тут. Как бы чего не случилось.

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Я тебя умоляю, ну что тут может случиться?

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Всё, что угодно. Ты видишь, какой здесь бардак? Проходной двор. Могут украсть... Могут что-нибудь подбросить... Моисей Израйлевич, вы бы свой, или чей он там, чемоданчик от греха подальше в сторонку убрали.

БАНДИТ. Да нет у меня никакого чемодана. Ставлю банку колы и жвачку. Веня, будешь?

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Как - нет? А чей тогда там чемодан?

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Так это разве не наш?

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Ты даже наши чемоданы не способен запомнить. Моисей Израйлевич, это точно не ваш?

БАНДИТ. Нет. Я свои сразу скидываю. У меня тут бартер налажен.

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Может Рабиновича?

ВЕНЯ. Нет, у него спортивная сумка и баул.

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Арон Давидович, это случайно не ваш чемодан?

СТАРИК. Нет, уважаемая.

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Чьё же это тогда?

РИТА. Бомба. Сейчас как рванёт. (*Орёт что есть мочи*). Ложись!(*Кидается на пол.*)

Все, кроме Арона Давидовича, инстинктивно бросаются вслед за ней.

РИТА (*встаёт*). Да ладно. Вы что? Я же пошутила.

БАНДИТ. Нормально. А я, как все. Клёво ты нас развела.

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Рита, немедленно ляж... ляг на пол.

РИТА. Чего ради.

ВЕНЯ (*отряхиваясь*). Да ладно, мам, ну что ты? Она же пошутила.

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Мы же не знаем откуда он, и что там в этом чемодане.

ВЕНЯ. Хочешь, я посмотрю?

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Не смей к нему приближаться!

БАНДИТ. Ладно, отдохни. Так... Вы пока там в сторонке постойте. (*Приближается к чемодану. Разглядывает.*)

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Ну что там?

БАНДИТ. Добротный чемодан. Турецкий.

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Турки. Они же там все бандиты!

РИТА. Мама, ну с чего ты взяла?

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Ты их рожи видела?

БАНДИТ. Может открыть?

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Надо вызвать полицию.

БАНДИТ. Полицию как-то не хочется. (*Прикладывает ухо к чемодану.*) Ни фиги себе! (*Быстро отходит в сторону и ложится на пол.*)

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Что? Что там такое?

БАНДИТ. Там что-то в натуре – тикает.

ВЕНЯ. Может его выбросить в окно?

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Не смей к нему приближаться!

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Давайте для начала все потихоньку выползем отсюда, а потом позовём кого надо.

РИТА. Моисей Израйлевич, вы не прикалываетесь?

БАНДИТ. Зуб даю, что-то тикает. Конкретно так. Ты это... не стой.

Неожиданно раздаётся звонок будильника.

БАНДИТ. Ложись! Щас рванёт!

Все кроме Арона Давидовича падают на пол. Старик подходит к чемодану, хватает его и выбрасывает в окно.

БАНДИТ. Вроде тихо.

ВЕНЯ. Может, не сработало?

РИТА. Конечно, не сработало. А то бы тут щас такое было.

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Арон Давидович, вы просто герой. А если бы он рванул?

АРОН ДАВИДОВИЧ (*отправляясь на своё место*). Ничего мне не будет.

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Рита, Веня! Все целы? Сеня, зачем ты упал в хорошем костюме?

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. А в чём мне было упасть?

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Надо было переодеться.

Появляется Рабинович. Тацит какой-то тюк.

РАБИНОВИЧ. Привет! Вот занавески достал. Повесим на окна, а то живём, как в зоопарке. И солнце не будет мешать. (*Оглядывается по сторонам.*)

РИТА. Рабинович, вы тут такой экшен пропустили.

РАБИНОВИЧ (*продолжая что-то искать*). Чего ещё за экшен?

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Что вы ищете?

РАБИНОВИЧ. Чемодан. Тут был мой чемодан.

ВЕНЯ. У вас же не было чемодана.

РАБИНОВИЧ. Что значит «не было»? Я его выменял у какого-то туземца на зажигалку.

БАНДИТ. То-то я смотрю чемоданчик вроде как знакомый.

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Такой хороший чемодан на зажигалку?

РАБИНОВИЧ. Так где мой чемодан?

РИТА. Его Арон Давидович выбросил в окно.

РАБИНОВИЧ. Как в окно? Зачем?

БАНДИТ. Как, как... Натурально.

РАБИНОВИЧ. А почему мой?
ДОРА ЛАЗАРОВНА. Мы думали это – бомба.
ВЕНЯ. И там внутри чего-то тикало.
БАНДИТ. Реально так тикало.
СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. А потом ещё как зазвонит.
РАБИНОВИЧ. Это же будильник! Настоящий механический будильник! Сейчас уже такие и не делают. Я его в Вене на барахолке купил.
БАНДИТ. Обздача вышла.
РИТА. Пойдёмте, подберём его.
БАНДИТ. Слышь, братела. Ты это... брось этот чемодан. Спалишься ещё на нём.
РАБИНОВИЧ. Я же его честно на зажигалку выменял.
БАНДИТ. Ты-то да. А вот как он к этому туземцу попал, это ещё вопрос. Даже и не вопрос. Забудь про чемодан. Я тебе потом другой нарисую. Лепёшечку хочешь? Ты пока занавесочки повесь.
РАБИНОВИЧ. Да ну вас. Сами вешайте. Вещи то хоть забрать можно?
РИТА. Пойдёмте я вам помогу.

Рита и Рабинович уходят. Бандит берёт лепёшки и направляется к Старику.

БАНДИТ. Уважаемый. Папаша. Я извиняюсь, если отрываю. Лепёшечку не желаете?
СТАРИК (*снимает с себя тфилин, закрывает книгу*). Спасибо. Я поем.
БАНДИТ. Вот это правильно! И вообще, перерывчик сделать не помешает. А то всё время молитесь, молитесь. Ничего, если я спрошу?
СТАРИК. Конечно, спрашивайте.
БАНДИТ. Вот вы всё время молитесь, молитесь... Это как, вообще, помогает?
СТАРИК. Помогает в чём?
БАНДИТ. Ну, в смысле: способствует?
СТАРИК. А разве для этого молятся?
БАНДИТ. А чё, разве – нет? Ну, вы же чего-то просите?
СТАРИК. Прошу.
БАНДИТ. Ну и как? Помогает?
СТАРИК. Смотря в чём.
БАНДИТ. Ну, вот если, например, попросить, чтобы самолёты полетели. Это как?
СТАРИК. Всё можно попросить.
БАНДИТ. И чего, сбудется?
СТАРИК. Смотря кто, и как попросит.
БАНДИТ. Ну, и чего вы не попросите?
СТАРИК. Я о другом прошу.
БАНДИТ. Ну, есть специальная такая молитва, чтобы точно уже улететь?
СТАРИК. Есть благословение в дорогу. Дорожная молитва. Но ещё рано. Когда придёт пора, я прочту.
БАНДИТ. А чё, любой может попросить?
СТАРИК. Конечно.
БАНДИТ. А обязательно на этом, на вашем языке?
СТАРИК. Желательно.
БАНДИТ. Жаль. Значит я мимо кассы.
СТАРИК. Не обязательно. Вот я вам расскажу. Однажды один еврей возвращался к себе домой накануне субботы. Но по дороге его телега сломалась, и он застрял один-одинешенек в лесу. И вот сидит этот бедолага в лесу и даже не может помолиться и толком попросить о помощи, потому что был он неграмотный.
БАНДИТ. Это когда было-то?

СТАРИК. Давно. Давно это было. И вот сидит он в лесу и думает: «Слов молитвы я, конечно, правильных не знаю. Но зато я знаю алфавит». Дай-ка, думает, буду я просто выкрикивать буквы алфавита. А там, наверху, если их услышат, то уж в правильную молитву сами сложат.

БАНДИТ. И чего? Помогло?

СТАРИК. Помогло. Потому что слова – не главное.

БАНДИТ. Прикольная байка.

СТАРИК. Это не байка.

БАНДИТ. Слышь. Отец. А ты это ... Мне алфавит этот ваш можешь написать? Много там букв? Или давай так: ты говори, а я сам, своими буквами запишу.

СТАРИК. Бумага есть?

БАНДИТ. Найдётся.

СТАРИК. Алеф. Бет...

Проходит опять Служанка.

СЛУЖАНКА. לֵיטְרָאוֹת, דּוֹ סְוִידָנִיָּה. (*Леитраот. До свидания.*)

БАНДИТ. Обалдеть. Хорошенькая. Как там дальше?

СТАРИК. גִּמְלָה, דָּלֵת, חַיִּי, וָו... (*Леитраот, хамуда. До свидания, милашка.*) Гимел, далет, хэй, вав...

ЧЕТВЁРТАЯ СЦЕНА ИСХОДА.

Шалаш старика объят дымом. Молодой еврей старается его потушить. Вытаскивает наружу старика. Поливает его водой.

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Хорошо, что я вовремя оказался рядом. Как вы?

СТАРЕЦ. Я знал, что этим кончится. Они всё-таки решились от меня избавиться.

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Не говорите глупости. Просто на крышу попала искра.

СТАРЕЦ. Нет! Им надоело ждать. (*Кашляет.*)

Появляются старейшины.

ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. Что тут произошло?

СТАРЕЦ. Пришли убедиться, что со мной покончено?

ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА. О чём это он?

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Не обращайтесь внимание. Просто случайно на крышу попала искра.

СТАРЕЦ. Искры случайно никуда не попадают. Меня хотели заживо спалить

ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. Не дай бог! Как вы могли такое подумать?

СТАРЕЦ. И думать нечего. Я слышал шаги. И даже голоса. А потом всё полыхнуло.

ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА. Не могу поверить, что кто-то мог на такое решиться.

СТАРЕЦ. А я очень даже могу. Только передайте, что у них ничего не получится.

ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. Почему?

СТАРЕЦ. Если, несмотря ни на что, я всё ещё жив, значит там, наверху, кто-то этого очень не хочет. Понимаете о чём я?

ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА. О чём?

СТАРЕЦ. Значит, у меня есть некое особенное предназначение, не выполнив которое я не могу уйти из этой жизни.

ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. И вы знаете, в чём оно заключается?

СТАРЕЦ. Да. Я понял, в чём дело. Сущий пустяк. Осталось сделать одно последнее дело и всё.

ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА. И что же это за дело?

СТАРЕЦ. Мне надо жениться.

СТАРЕЙШИНЫ (*хором*). Жениться?

СТАРЕЦ. Ну да. Господь, видимо, не может допустить, чтобы я ушёл не оставив потомков, которые перешагнут границы дарованной нам земли.

ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. То есть не только жениться, но ещё и дождаться потомства?

СТАРЕЦ. Мальчика.

ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА. А если будет девочка?

СТАРЕЦ. Придётся повторить.

ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. А нет ли у вас какого-нибудь другого предназначения?

ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА. Которое заняло бы несколько меньше времени.

СТАРЕЦ. Вы знаете более короткий способ обзавестись потомством?

ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. Вы могли бы кого-нибудь усыновить.

ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА. Или жениться уже на вдове с ребёнком.

СТАРЕЦ. И что?

ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. Так вы, по крайней мере, будете точно знать, что у вас мальчик.

СТАРЕЦ. Я не хочу, чтобы последние минуты жизни мне отравляла какая-нибудь сварливая вдова.

ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА. По-вашему, будет лучше, если вас, не дай бог, всё-таки действительно кто-нибудь подожжёт?

СТАРЕЦ. Ничего у них не выйдет. У меня предназначение.

ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. Плевать им на ваше предназначение. У людей лопаются терпение.

ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА. Имейте совесть. На вашу скорую кончину было потрачено столько денег, что людям уже хочется результата.

СТАРЕЦ. Хорошо. Если честно, мне это всё уже и самому надоело. Я знаю, как и предназначение выполнить, и сэкономить время.

ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. Я уж ничему не верю.

СТАРЕЦ. Этот парень. Он мне стал, как сын. Я готов считать его своим сыном.

ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА. И что дальше?

СТАРЕЦ. Сущий пустяк. Я не могу уйти, пока не убедился, что он женился. И что у него молодая, красивая и здоровая жена, способная дать здоровое потомство.

ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. Ну, так пусть жениться.

СТАРЕЦ. Он и хочет, но у него нет денег.

ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА. Теперь мы должны ещё оплачивать его свадьбу?

СТАРЕЦ. Знаете ли, вино, свежие фрукты, мясо... всё это буквально вернуло мне силы и здоровье.

ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. Вы же говорили, что подорвало.

СТАРЕЦ. Сначала – подорвало, а потом - вернуло. Подумайте.

Возвращается к себе в шалаш.

Появляются два сохнутовских чиновника. Бодро представляются и начинают исполнять свои куплеты.

ПЕРВЫЙ ЧИНОВНИК. Еврейское агенство сохнут приветствует вас - будущих репатриантов!

ВТОРОЙ ЧИНОВНИК. Мы рады вам, друзья!

СОХНУТОВЦЫ (*поют*):

Друг, собрат, единовец,
Не тяните канитель,
Поезжайте скопом в Эрец
Шмерец-мерец Израэль!

Приплясывают и отбивают чечётку.

ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА. Кто это такие? Что им надо?

ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. По-моему, они нас агитируют уже тронуться в путь.

ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА. А мы что, против? Эй! Вы!

Чиновники прерывают своё исполнение.

ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА (*указывает на шалааш Старца*). Идите туда. И скажите это - ему.

Чиновники направляются в шалааш Старца.

ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. Не знаю, можно ли ему верить?

ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА. А что нам остаётся делать?

Из шалааша Старца раздаются крики, а потом оттуда выскакивают чиновники и вслед за ними разъярённый Старец с палкой. Старец пытается достать палкой чиновников.

СТАРЕЦ. Это вас специально ко мне подослали! Издеваетесь! (*Старейшинам.*)

Посмеяться на до мной решили? ! Пошли отсюда! Все! Тыщу лет проживу. Назло всем!

ПЕРВЫЙ ЧИНОВНИК (*уворачиваясь от ударов Старика*). Чего-то нас куда-то не туда занесло.

ВТОРОЙ ЧИНОВНИК. Хотя тут, кажется, хороший потенциал.

ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА. Эй, вы! Пошли отсюда!

ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. Стойте! Эй, как вас? (*Достаёт зажигалку.*) У вас такое есть?

ПЕРВЫЙ ЧИНОВНИК. Мы не курим.

Чиновники уходят.

ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА. Успокойтесь, почтеннейший. Мы согласны.

СТАРЕЦ. Согласны на что?

ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. На все ваши предложения.

ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА. Но вы можете обещать, что на этот раз всё будет, как надо?

СТАРЕЦ. Не сомневайтесь. Так и можете всем передать: в связи с предстоящей моей скорой кончиной...

ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. Вот только не начинайте про свою скорую кончину.

ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА. Она нам слишком дорого обходится.

СТАРЕЦ. Что поделать, сживание со свету – дорогое удовольствие.

Старейшины уходят.

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Мне не нужна свадьба, оплаченная такой ценой.

СТАРЕЦ. Какая разница? Если честно, мне действительно уже пора. Так почему бы не сделать напоследок хорошее дело? Тебе не за что себя винить.

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Ребекка не согласится.

СТАРЕЦ. Ты ещё не даже не женился, а уже даёшь собой помыкать. Будь мужчиной.

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Нам нечем тебя отблагодарить.

СТАРЕЦ. Если так уж хочешь меня отблагодарить, то назови своего первенца моим именем.

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Я там всё убрал. Давайте, помогу вам лечь.

СТАРЕЦ. Не надо. Я сам. Иди уже к своей Ребекке. Скажи, чтобы готовилась к свадьбе.

И вот что... Я - человек бедный. Ничего не нажил. Наверное, неправильно жил. (*Снимает с себя амулет.*) Вот всё, что у меня есть. Но он из серебра. Отдай ей. Скажи - от меня подарок на свадьбу.

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Спасибо. Мы будем передавать его из поколения в поколение.

СТАРЕЦ. Хорошая мысль. Это получается, вроде как я пребуду в нём на земле обетованной. Хорошо придумал. Теперь и помереть не страшно.

ПЯТАЯ СЦЕНА В АЭРОПОРТУ.

*Веня сидит играет в компьютерную игру. Рита читает книгу.
Дора Лазаревна пытается учить по самоучителю английский.
Бандит сидит и в полузабытье повторяет буквы алфавита.
Вдруг из-за кулисы с криками выскакивают пейсатые харедим.
Они танцуют вокруг Вени и поют.*

Поют:

Избавляйся от сомнений,
Ой-ой-ой, ой вэй,
Поезжай в Израиль, Веня,
Ой-ой-ой, ой вэй,
Он тебе еще неведом,
Ой-ой-ой, ой вэй,
Но от бога заповедан,
Ой-ой-ой, ой вэй.
Нет страны обетованной,
Ой-ой-ой, ой вэй,
В море здесь вода, как в ванне,
Ой-ой-ой, ой вэй,
Здесь везде родные взоры,
Ой-ой-ой, ой вэй,
Здесь повсюду свитки Торы,
Ой-ой-ой, ой вэй,
Воздух давних поколений
Ой-ой-ой, ой вэй,
Ты вдохнешь в Сионе, Веня,
Ой-ой-ой, ой вэй,
Воздух стран, где жить похуже,
Ой-ой-ой, ой вэй,
Здесь ты выдохнешь наружу,
Ой-ой-ой, ой вэй,
Здесь чудесно и красиво,
Ой-ой-ой, ой вэй,

Здесь поступишь ты в ешиву,
Ой-ой-ой, ой вэй,
Только здесь молитвы к богу
Ой-ой-ой, ой вэй,
Знают верную дорогу,
Ой-ой-ой, ой вэй.
Здесь кругом сплошные наши,
Ой-ой-ой, ой вэй,
Здесь читаем мы мидраши,
Ой-ой-ой, ой вэй,
Здесь не пашем мы, не сеем,
Ой-ой-ой, ой вэй,
Здесь и надо жить евреям –
Ой-ой-ой, вэй,
А ведь ты еврей!

Уходят в танце за кулисы.

Веня сидит некоторое время в тишине, пытаясь прийти в себя от увиденного.

ВЕНЯ. Моисей Израйлевич!

БАНДИТ. Гимел, алеф...

ВЕНЯ. Моисей Израйлевич!

БАНДИТ. Что?

ВЕНЯ. Кто это сейчас были? Вы их видели?

БАНДИТ. Да кто тут только не ходит. Дикари какие-то... Верблюды, ослы...

ВЕНЯ. Нет, сейчас вот... с пейсами...

БАНДИТ. Веня, мы тут ещё немного посидим, и не такое привидится. Мэм, ламед, нун...

ВЕНЯ. Думаете, поможет?

БАНДИТ. Не навредит. Каф, тав...

Входит Рабинович. Тащит вентилятор.

РАБИНОВИЧ. Привет честной компании. Я тут вентилятор надыбал. Веня, придумай, как бы его подключить.

БАНДИТ. Кореш, ты я смотрю, по нарам-то сучаешь.

РАБИНОВИЧ. Кто бы говорил.

БАНДИТ. Разница между нами, что ты обязательно попадешься.

РАБИНОВИЧ. Я что, для себя одного? Я же для всех.

БАНДИТ. Вот это ценю. Ладно, пригодится. Кто знает, сколько нам тут ещё сидеть?

РИТА. Я знаю. Сорок лет.

ВЕНЯ. Почему сорок?

РИТА. Может чуть меньше. Короче, пока Рабинович не умрёт.

Рабинович от неожиданности роняет вентилятор.

РАБИНОВИЧ. Почему опять я?

ДОРА ЛАЗАРЕНА. Рита. Ты думай, что говоришь. Извинись.

РИТА. Больше некому. Как вы не понимаете? Вот чего мы тут сидим?

ВЕНЯ. Аномалия. Нет вылетов и никто не принимает.

РИТА. Вот. Это не просто аномалия. Это - наказание. Как тем евреям.

РАБИНОВИЧ. Каким ещё «тем»?

РИТА. Ну, которые сорок лет сидели. Они ведь почему сорок лет сидели? Потому что побоялись войти в Израиль. Разведчиков послали. Как мама.

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Не болтай глупостей. Я никого не посылала.

ВЕНЯ. Может и не посылала, но говорила: «Давайте подождём. Вот Ительсоны съездят, посмотрим, что из этого получится».

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. И правильно сказала. А что, надо было очертя голову?

РИТА. Потом: «Вот теперь посмотрим, как Григоровичи поедут...»

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Ну и правильно говорила. Вы читали, что они пишут?

ВЕНЯ. Получается, что они вроде как наши разведчики.

РИТА. Вот нам теперь и наказание, что никто не хочет ехать в Израиль.

БАНДИТ. Чего это - «никто»? Я еду.

РИТА. Вы – не в счёт. Будем теперь сидеть здесь сорок лет, пока Рабинович не вымрет.

РАБИНОВИЧ. А почему это я? Вот пусть эти ваши Григоровичи... или кто там ещё?

РИТА. Потому что должны умереть все от 20 до 60 лет. Папа и Старик – старше шестидесяти. Мы – младше двадцати.

РАБИНОВИЧ. А Моисей Израйлевич?

ВЕНЯ. Моисей Израйлевич – не в счёт. Он не еврей.

БАНДИТ. Чего в натуре столько ждать? Может нам будет его дешевле заказать братве. Я могу организовать.

РАБИНОВИЧ. Шуточки у вас.

БАНДИТ. Да ладно, живи. Всё равно мне кажется, братан, ты долго не протянешь.

РАБИНОВИЧ. Чего это не протяну?

БАНДИТ. Вид у тебя, кореш, какой-то болезненный. Спортом надо было в детстве больше заниматься.

РИТА. Даже если Рабинович и двадцать лет протянет, - тоже немало.

БАНДИТ. И двадцать не протянет.

ВЕНЯ. Рабинович, вы в детстве хроническими болезнями болели?

РАБИНОВИЧ. Да ну вас к чёрту. Шуточки ваши. Я ещё вас переживу.

БАНДИТ. А чего, поехали вместе на историческую родину.

РАБИНОВИЧ. Спасибо, уже был.

БАНДИТ. И чё?

РАБИНОВИЧ. Да козлы они там все.

БАНДИТ. Понятно. А в Америке чего не жилось?

РАБИНОВИЧ. Там ещё большие козлы.

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Рабинович, вы думайте, что говорите. Что вам всё - козлы, да козлы...

РИТА. Я же говорю: Рабинович во всём виноват. Давайте принесём его в жертву.

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Рита, не хамя.

РИТА. Ну и сидите здесь сорок лет. А я пойду.

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Куда это ты?

РИТА. Жениха искать. Что мне тут сорок лет в девках ходить?

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Типун тебе на язык. Чтоб через час была здесь!

Рита уходит.

БАНДИТ (*подсаживается у Рабиновичу*) Слышь, братан, ты не обижайся. Мы же так, пошутили.

РАБИНОВИЧ. А чего всегда - я? Я вон: вентилятор, матрасы, занавески притащил...

БАНДИТ. Не парься. Мы же ценим. Я чё хотел спросить? Видел там в зале у автоматов семейную пару? Из ваших, ну, в смысле, наших.

РАБИНОВИЧ. Там полно народу. А что?

БАНДИТ. Я с ними тут как-то разговорился. Ты знаешь, куда они едут?

РАБИНОВИЧ. Мне-то что?

БАНДИТ. Щас тебе будет «что». Значит так. Сначала они. Как и ты по глупости упали в Израиле, но быстро сориентировались и оттуда махнули в Канаду...

РАБИНОВИЧ. Эка невидаль.

БАНДИТ. Ты послушай. Там они узнали, что, оказывается, евреев принимает... чёрт, выскочило из головы... Ну, маленькая такая страна...

РАБИНОВИЧ. Австралия?

БАНДИТ. Какая же она маленькая? Нет. Они сказали... Чёрт! Ладно. Потом вспомню. Из новых. Там у них президентом выбрали еврея. Страна маленькая, денег у них там – немерено. Куда девать – не знают.

РАБИНОВИЧ. Что за страна такая?

БАНДИТ. Не важно. Потом вспомню. Так вот, каждому новоприбывшему тут же в аэропорту дают безвозмездную ссуду. То ли 20 тысяч, то ли сорок тысяч зелёных.

РАБИНОВИЧ. Ссуда – значит, отдавать надо.

БАНДИТ. Не надо. Если три года прожил – всё списывается. А чего там не жить?

Квартиру тут же бесплатно. Ключ прямо в аэропорту. Машину со скидкой пятьдесят процентов...

РАБИНОВИЧ. Да ладно. С чего бы это?

БАНДИТ. Зуб даю. У них там недостаток населения. Ну, и они хотят привлечь кого поинтеллигентнее и поумнее. А кого ещё? Евреи – самое то.

РАБИНОВИЧ. И что, всех принимают?

БАНДИТ. Ну, ты-то точно подойдёшь.

РАБИНОВИЧ. Так что за страна?

БАНДИТ. Вот... На «Б» что-ли... Что-то такое... Бель... Бальд... Нет. Потом вспомню. Я в географии не очень. Так ты пойдёшь сам спроси.

РАБИНОВИЧ. У кого спрашивать? Пошли вместе.

БАНДИТ. Нет, я не пойду. Там полицейский этот бродит. Опять вроде у кого-то чемодан тиснули... Нет. Не пойду. Да они – там. У автоматических касс. Ну, евреев-то сразу видно. Найдёшь.

РАБИНОВИЧ. Моисей Израйлевич, ну как самое главное можно было не запомнить? Где они там сидят? Справа или слева?

БАНДИТ. Найдёшь. Скажи, что от меня. Они должны помнить.

Рабинович уходит.

ВЕНЯ. Круто вы над ним прикололись.

БАНДИТ. Да ничего. Пусть прогуляется.

Появляется Молодой еврей. В руках у него кувшин.

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ (*говорит на иврите*). סליחה, איפה יש פה מים? (Слиха. Эйфо ешь по маим? Простите, где тут есть вода?)

(Слиха. Эйфо ешь по маим? Простите, где тут есть вода?)

БАНДИТ. ישר עד הסוף ובצד ימין יש שרותים.

(Яшар ад а-сов ве бецад ямин ешь ширутим. Прямо до конца и там с правой стороны есть туалет.)

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. תודה. (Тода. Спасибо.)

ВЕНЯ. Ловко вы.

БАНДИТ. אין בעד מה... (Эйн бэ ад ма. Не за что.) У старика научился. Откуда они только берутся? Как из пустыни. Чего у них там, воды нет? Эй! Тебе чемодан нужен? Чемодан! Не понимаешь? Мизвода. Роце мизвада? Нет? Дикари. Чего с них возьмёшь.

ПЯТАЯ СЦЕНА ИСХОДА.

Старейшины, молодой еврей, позднее Ребекка.

ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. Ну как он?

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Целыми днями лежит и молится.

ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА. Это хороший признак.

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Он говорит, что его что-то тревожит и не пускает.

ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. А это плохой признак.

ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА. Что ему опять помешало?

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Ему приснился сон.

ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. У него всегда и на всё есть отговорки.

ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА. И что за сон?

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Ему приснилось, что его потомок, в смысле, мой... так и не вошёл в землю Ханаанскую.

ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. Если он и дальше так будет себя вести, то никто и из наших потомков, так никогда в эту землю не попадёт.

ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА. Все эти сны от плохого пищеварения. Ему надо перестать есть мясо и пить вино.

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Он уже перестал.

ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. Вы должны ему объяснить: так это не делается. Мы выполнили всё, что он просил. Люди ждут. Нервничают. А он не может сделать самую малость. МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Он молится.

ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА. Ах, не морочьте нам голову.

ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. На бога надейся, а сам не плошай.

ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА. Хорошо сказано. Думаю, эта фраза переживёт всех нас.

Внезапно на сцене темнеет. Вспышка. Шум ветра. Потом всё успокаивается.

ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. Что это было?

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Не знаю. Пойду, проверю, как он там?

Заходит в шалаш. Через некоторое время выходит.

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Его там нет.

ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА. Как нет?

ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. Умер?

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Нет, просто исчез.

ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА. Что значит «исчез»? Как он мог исчезнуть? Все ждут не дождутся, когда он уже наконец... покинет нас. А он - исчез.

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Вот он, похоже, и покинул.

ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. Это надо обсудить. Можем ли мы его такое исчезновение приравнять к его уходу?

ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА. Смотрите: уход, даже уход из жизни, это тоже некоторым родом – исчезновение.

ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. То есть, исчезновение можно рассматривать, как некую форму ухода?

ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА. Надо идти от конечного. Результатом и ухода, и исчезновения является отсутствие индивидуума. Поскольку именно с таким результатом мы сейчас и имеем дело, то, думаю, можно смело рассматривать данное исчезновение как долгожданный уход.

ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. Но у исчезновения, в отличие от конечного ухода, есть небольшой недостаток.

ВТОРОЙ СТАРЕЙШИНА. Вы имеете в виду, что он может ещё и вернуться?

ПЕРВЫЙ СТАРЕЙШИНА. Мы должны обсудить это со старейшинами.

Уходят.

Появляется Ребекка.

РЕБЕККА. Ну как он?

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Плох.

РЕБЕККА. Жалко его.

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Жалко.

РЕБЕККА. И ещё его все ненавидят. Возьми, передай ему. Это вино, фрукты... То, что осталось со свадьбы.

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Он почти ничего не ест. И пьёт только воду.

РЕБЕККА. Бедненький. Я хочу его навестить.

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. А его нет.

РЕБЕККА. Как нет?

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Ума не приложу, куда он мог пропасть. В последнее время всё время бредил. Говорил, что чего-то не видит.

РЕБЕККА. Я знаю, куда он пошёл.

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Куда?

РЕБЕККА. Это я виновата. Это он пошёл искать медальон, который подарил мне на свадьбу. Помнишь? Серебряный такой. Он ещё говорил, что это вроде как частица его пребудет с нами там...

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. И где он?

РЕБЕККА. Я... я его потеряла.

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Где? Надо пойти и поискать.

РЕБЕККА. Я... Я не помню...

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Правильно говорил старик: врать ты совсем не умеешь. И, слава богу, пока не научилась. Так что случилось?

РЕБЕККА. Я гуляла. А там был один чужестранец. Станный такой... Смешной... Он показывал всякие фокусы с картинками. А потом мы играли. Все... Не только я...

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Что ещё за игра?

РЕБЕККА. У него было три стаканчика и одна горошина. Он её прятал в одном из стаканчиков, и надо было угадать - где она.

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. А при чём здесь амулет?

РЕБЕККА. Я сначала всё время угадывала и получила кучу подарков. А потом почему-то перестала угадывать...

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Ты проиграла амулет старика.

РЕБЕККА. Я хотела потом вернуть. Дать ему что-то другое. Но он куда-то пропал. Я его везде искала, искала... Надо рассказать старику.

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Не надо. Он уже знает.

РЕБЕККА. Конечно. Поэтому его и нет. И что теперь будет?

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Не знаю.

РЕБЕККА. Что ж, теперь все будут ждать, пока он найдёт свой амулет?

МОЛОДОЙ ЕВРЕЙ. Не знаю. Но ты вот что... Ты пока не говори об этом старейшинам. И вообще никому не говори. Пойдём, покажешь мне, где это было.

ШЕСТАЯ СЦЕНА В АЭРОПОРТУ.

Вбегает Веня.

ВЕНЯ. Слышали? Сейчас передали по местным новостям. Короче. Нашего Моисей Израйлевича при аресте того...

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Что «того»?

ВЕНЯ. Было сказано, что при задержании крупного криминального авторитета из России... Ну там, короче, он оказал сопротивление...

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Не томи уже.

ВЕНЯ. Короче, убит при задержании и попытки оказать сопротивление.

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Как убит?

РИТА. Моисей Израйлевич?

ВЕНЯ. Там, естественно, не сказали, что Моисей Израйлевич. У него же другое имя. Ну, которое настоящее.

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. А как его звали по-настоящему? *(Все растеряно молчат.)* Что, так никто и не спросил?

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Бог мой! Совсем молодой.

РИТА. Как-то так все с самого начала - «Моисей Израйлевич» да «Моисей Израйлевич». Так и пошло.

ВЕНЯ. Вроде он ещё говорил – «Гиря».

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Ну это же не имя. Жаль. Я к нему как-то привык.

ВЕНЯ. Все привыкли.

РИТА. Он меня научил играть в очко.

РАБИНОВИЧ. А как он меня отбил от этого немца?

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Из него таки мог получиться неплохой еврей. Получше даже некоторых.

РАБИНОВИЧ. Жаль, он так и не вспомнил, куда ехали те евреи.

РИТА. Теперь уже и не вспомнит.

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Помянуть бы надо.

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Помолиться. За упокой души.

РИТА. Так мы даже имени не знаем.

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Что значит «не знаем»? Он умер Моисеем Израйльевичем Рабиновичем. Значит, за его душу грешную и надо помолиться. Там разберутся.

РИТА. А как надо?

ВЕНЯ. Старик должен знать. Он всё время молится.

РАБИНОВИЧ. Старик уже ушёл. Может он и не вернётся уже.

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Рабинович, вы же жили в Израиле.

РАБИНОВИЧ. И что?

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Должны же вы там были чему-то научиться? Ну хоть что-то...

РАБИНОВИЧ. Барух ата адонай, мелех а-олям... нет... Не знаю.

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Ну вот. Евреи, называется.

ВЕНЯ. А помните старик рассказывал, про того еврея, который не знал слов молитвы? Только алфавит. Кстати, Моисей Израйлевич тоже так молился. Говорил, помогает.

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Мы даже алфавит не знаем.

РАБИНОВИЧ. Алфавит я знаю.

Садятся в круг и произносят вслед за Рабиновичем буквы алфавита.

РАБИНОВИЧ. Алеф... бэт... гимел... далет...

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. А помните, как он в первый раз пришёл? С чемоданом этим? Моисей Израйлевич, говорит. Мы так все и упали.

РАБИНОВИЧ. Хэй... вав... хет... тэт...

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Конечно, бандит. Но очень приличным евреем оказался.

РАБИНОВИЧ. Йуд... кав... ламед... мэм...

ВЕНЯ. А как он тогда: Рабиновичей бьют! Наших! Хотя какие мы ему «наши»?

РАБИНОВИЧ. Нун... самех... аин... пэй...

РИТА. Всегда чего-нибудь расскажет. Скучно теперь без него будет.

РАБИНОВИЧ. Цади... куф... рэш... шин... тав... Всё.

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Аминь.

Все хором: «Аминь».

Сидят некоторое время в тишине. Появляется Моисей Израйлевич.

БАНДИТ. Случилось что?

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Ой!

ВЕНЯ. Моисей Израйлевич!

РИТА. Живой!

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Пришествие Рабиновича народу.

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Вот, чёрт такой, напугал. Будь вы не ладны!

РАБИНОВИЧ. Веня, а кого мы сейчас поминали?

БАНДИТ. Чего-то не пойму, чего не так?

РИТА. Веня сказал, что вас – того...

БАНДИТ. Чего «того»?

РАБИНОВИЧ. Убили.

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. При задержании.

ВЕНЯ. А чего - я? Я что слышал, то и рассказал. Сказано было: крупный криминальный авторитет из России...

БАНДИТ. А-а... вот вы о чём. Так то – не я. То – Рашпиль из пензенской команды. Не повезло пацану. Да если по правде, то не такой уж он и крупный и совсем не авторитет. Так. Под Лысым ходил. Вот если бы они Лысого взяли. Да только хрен им до Лысого добраться ...

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Да чёрт бы с ним, с этим Лысым! Живы и слава богу.

БАНДИТ. А чего, в натуре, вы по мне вот так вот ... ну, типа, расстроились?

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Щас! Размечтался.

БАНДИТ. Да ладно, я же видел. Чё, пожалели меня?

РИТА. Я так даже поплакала.

ВЕНЯ. А что, мы не люди? Жалко конечно.

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Тем более, что вы уже вроде как и свой.

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Сеня, какой такой свой?

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Ну, вроде как один из наших.

БАНДИТ. А где старик?

РАБИНОВИЧ. Ушёл куда-то. Он всё время куда-то ходит. Ищет кого-то.

РИТА. А я знаю, кого он ищет.

ВЕНЯ. Чего следила за ним?

РИТА. Зачем? Он же сам рассказал. Помните историю про Агасфера?

РАБИНОВИЧ. И что?

РИТА. Ну как не понятно? Вот он этот самый Агасфер и есть. Ахашверош.

ВЕНЯ. Да ладно!

РИТА. А ещё к нему сегодня какой-то старик приходил. Из этих бедуинов.

ВЕНЯ. Старик говорит, что никакие они не бедуины, а евреи.

РИТА. Сидели и вместе молились. А потом тот, второй, - раз! И исчез.

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Рита, ты бы лучше английским занялась.

РИТА. Точно вам говорю.

РАБИНОВИЧ. Моисей Израйлевич! Хорошо, что вы ввернулись. А я ведь тогда их так и не нашёл.

БАНДИТ. Кого «их»?

РАБИНОВИЧ. Ну, евреев этих. Про которых вы рассказывали.

БАНДИТ. Ну и что теперь?

РАБИНОВИЧ. Вы так и не вспомнили?

БАНДИТ. Слышь, давай потом.

РАБИНОВИЧ. Вот я тут купил атлас. Давайте я буду вам называть страны в алфавитном порядке. Чтoб вы вспомнили. Давайте вот с «А». Андорра? Антигуа...

БАНДИТ. Слышь, братан. Точно сейчас не ко времени. Давай потом. Ты пока карту изучай.

РИТА. А где вы так долго пропадали?

БАНДИТ. Да... Туземцев развлекал. Непаханая целина. Вот, сувениров надыбал.

(Выкладывает содержимое карманов на стол.) Хочешь, тебе что-нибудь подарю?

Выбирай.

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Рита, отойди от него. Нам ворованного не надо.

БАНДИТ. Какое «ворованное»? Всё по честному. В напёрстки взял. Веня, посмотри, может чего надо?

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Куда честнее. Веня, не смей ничего брать!

БАНДИТ. А что? Я же и проигратсья мог.

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Щас, проиграетесь вы.

Входит Старик.

РАБИНОВИЧ. О! Агасфер наш пришёл. А мы уж было, с вами попрощались.

РИТА. Рабинович!

РАБИНОВИЧ. А чего? Пошутить нельзя. Сама и начала.

Старик подходит к Бандиту и внимательно рассматривает высыпанные им на стол вещи.

БАНДИТ. Дрянь, конечно. Что с них возьмёшь? Дикие люди. Так только, чтобы не потерять квалификацию. Хотите, можете что-нибудь взять.

Старик вытаскивает из лежащей на столе кучи медальон Старца. Внимательно его рассматривает.

РИТА. Ну что нового? Ничего не слышно? Полетим когданибудь?

СТАРИК. Можете собирать вещи.

Все удивлённо смотрят на Старика.

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Что, было объявление?

СТАРИК. Вы меня спросили – я вам ответил.

РИТА. Я же сказала: пора собираться.

СТАРИК (*указывает на Веню*). Отдай это ему это.

ВЕНЯ. Да нафиг мне это не надо.

БАНДИТ. Да хоть всё. Чего в натуре, полетим?

СТАРИК (*одевает Веню на шею медальон*). Пошли со мной.

Старик и Веня уходят.

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Ничего не поняла. Куда это? Что значит – «пошли»? Так что, собираться или нет? Сеня! Почему ты всё время молчишь?

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. А что тут говорить? Он же сказал: собирать вещи.

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Ну, так не сиди сиднем, а доставай чемоданы. Что я одна должна, как каторжная, как будто никому больше нет дела, мало того, что я с утра до ночи, как проклятая...

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Дора, только не начинай!

Внезапно на сцене темнеет.

Раздаётся звук шафара.

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Господи, что это?

РИТА (*высовывается в окно*). А сколько сейчас время?

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ. Полдень. А что?

РИТА. А на улице почему-то темень. Как ночью.

РАБИНОВИЧ. Может затмение?

Нарастает звук шафара.

РИТА. Наш Агасфер и рядом с ним Веня стоят на площади. И дуют в какой-то рог.

ДОРА ЛАЗАРЕВНА. Этого только не хватало. Что скажут люди?

РИТА. А нет никого.

РАБИНОВИЧ. Как нет? А куда ж все подевались?

РИТА. Так. Пустой зал. Только они одни стоят и дуют в рог.

*Старик и Веня стоят рядом. Веня, что есть силы дует в рог, а Старик громко нараспев, держа перед собой раскрытую книгу, читает « תפילת הדרך ».
(Дорожную молитву.)*

ФИНАЛ.

Сцена у шалаша.

*Молодой Еврей стоит рядом с шалашом, и что есть силы, дует в рог. Прерывается.
Прислушивается к ответным звукам. И опять громко трубит.*

Переключка. Нарастающие слова молитвы.

Молодой еврей откидывает полог и заходит внутрь шалаша. На своём месте на подстилке неподвижно лежит Старик.

Молодой Еврей некоторое время смотрит на него, а затем подходит и аккуратно накрывает его покрывалом.

Выходит из шалаша, старательно задёргивает за собой полог. Берёт в руки рог и опять что есть силы дует в него.

Повсюду раздаются крики погонщиков, стучат барабаны, скрип колёс – народ трогается в путь.

Шумы исхода переходят в шумы ожившего аэропорта: рёв взлетающих самолётов, голоса дикторов, объявляющих на разных языках об отправке рейсов.

По сцене пробегают люди с чемоданами, узлами, тележками...

Время и пространство как бы смещаются, смешав воедино людей всех времён и народов. То и дело в толпе появляются герои пьесы.

ДОРА ЛАЗАРЕВНА, сидящая в первобытной повозке, которую толкают старейшины.

ДОРА ЛАЗАРЕВНА: Сеня! Дети! Смотрите за вещами! Тут кругом сионисты!

РАБИНОВИЧ с доисторическим кувшином в одной руке и атласом в другой.

РАБИНОВИЧ: Моисей Израйлевич! Полинезия? Гандурас? Бангладеш...

БАНДИТ, нагруженный чемоданами и узлами.

БАНДИТ: Веня! Держись меня! Мы в правильном месте!

РИТА, облачённая в древние одежды и в окружении пейсатых харедим.

РИТА: Мама, я выхожу замуж!

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ в костюме и с посохом.

СЕМЁН ЛЬВОВИЧ: Дора, я потерялся!

ВЕНЯ с полуголыми девицами, отплясывающими канкан.

ВЕНЯ: Мама! Это – не гормоны. Это – сионизм!

ПОЛИЦЕЙСКИЙ с копьём и щитом.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ: Всем приготовится к проверке документов!

ПАССАЖИР в одном нижнем белье.

ПАССАЖИР: Где мои чемоданы?

Постепенно сцена пустеет. Среди мусора и забытых кем-то вещей остаётся только один Старик.

Он, раскачиваясь, протяжно, нараспев читает дорожную молитву.

Дочитав, укладывает книгу в котомку и не спеша, как человек, которому некуда торопиться, уходит со сцены.

КОНЕЦ.